

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «МОЙ ЛЮБИМЫЙ БРАТ» И «МОИ 99 ПРОЦЕНТОВ»

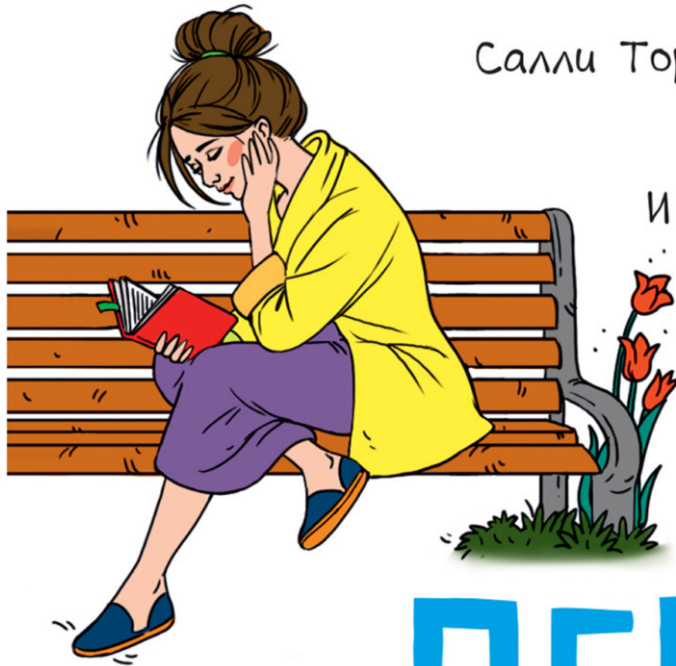
“♥”

САЛЛИ ТОРН

Салли Торн делает почти невозможное — она освежает знакомый сюжет и придает ему оригинальности. И выходит просто очаровательно!

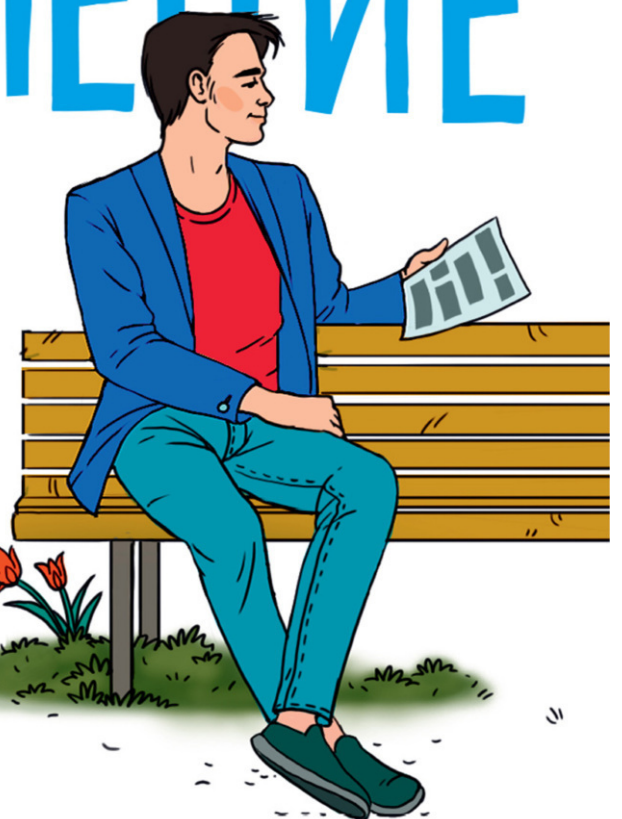
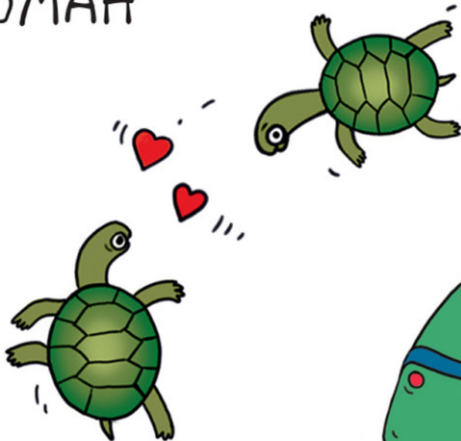
Kirkus Reviews

ВТОРОЕ ПЕРВОЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

РОМАН

И

Салли Торн

Второе первое впечатление

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Торн С.

Второе первое впечатление / С. Торн — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-21091-2

Рути Мидоне двадцать четыре, а по ее ощущениям – все сто двадцать четыре. Она работает менеджером в специальном поселке для престарелых людей. Забота об эксцентричных постояльцах позволяет ей полностью игнорировать отсутствие личной жизни. У Тедди Прескотта, мальчика-мажора и любителя татуировок, аллергия на любую работу. Однако, попав в безвыходную ситуацию, он устраивается личным помощником к двум капризным и очень богатым дамам, которых опекает Рути. Благодаря новому знакомству Рути начинает понимать, что в жизни есть не только работа... Сможет ли Тедди помочь девушке превратиться из гадкого утенка в прекрасного лебедя?.. Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-21091-2

© Торн С., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Салли Торн

Второе первое впечатление

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

ISBN 978-5-389-20103-3 Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Тейлору Хаггерти

Глава 1

Один из плюсов работы в офисе поселка для престарелых «Провиденс» – наличие живого отклика на мой внешний вид и стиль жизни, хочу я того или нет. (Не хочу.) Вот три вопроса, которые любят задавать постояльцы:

- Сколько тебе лет? (Двадцать пять.)
- У тебя есть бойфренд? (Нет.)
- А почему нет? (По разным причинам, ни одна из которых их не устроит.)

– Кроме бойфрендов, в жизни есть и другие радости, – как-то раз сказала я миссис Уиттакер, когда мы шли под ручку по мокрой от дождя дорожке к ее таунхаусу. – Лично я ни на что не жалуясь. Мне нравится вам всем помогать.

– И то верно, Рути, милочка. Ты отличный работник, – ответила она. – Но бойфренды – очень приятная часть жизни. Однажды у меня было одновременно три бойфренда. – Она прошаркала в дом, ее трость звонко стучала по кафельной плитке. Мне показалось, что я ослышалась, но она бросила через плечо: – Впрочем, все трое были знакомы, так что никакой неловкости. О боже, как же я тогда вымоталась! Ты куда красивее, чем я была в твои годы. Тогда почему ты этого не делаешь?

Я осталась стоять на пороге, борясь с желанием задать кое-какие вопросы, и самый главный из них: интересно как?

Похоже, миссис Уиттакер по-прежнему способна на более решительные действия, чем я, а ей уже восемьдесят семь. Я потом много думала о нашем разговоре.

Пока Сильвия, моя начальница, в круизе, я сижу за ее столом, лицом к двери, откуда открывается замечательный вид. Я занимаюсь отправкой электронной почты в ремонтную службу, одновременно пытаюсь обуздать волну меланхолии, традиционно накатывающую на меня в три часа дня. За моим столом сейчас Мелани Сасаки, временный секретарь. Она явно не сторонник концепции самоограничений, а потому у нее ланч в 10:30. И когда я открываю свой пакет с едой на перекус, то слышу, как у Мелани бурчит в животе.

В отчаянном порыве она нарушает молчание:

– Рути, я о тебе думала.

Лучше бы она этого не делала.

– Вот только закончу письмо в ремонтную службу, и мы поговорим.

Я знаю, что со стороны кажусь зажатой дурой, но, чтобы выжить ближайшие два месяца в качестве временного управляющего, я пытаюсь воплотить в жизнь политику соблюдения тишины. Когда Сильвия здесь, я никогда не разговариваю с ней, если она печатает. Или нажимает на ссылку. Или не заговаривает со мной первой.

Эх, я уже сто лет не была такой расслабленной!

Мелани, возможно, продолжит болтать даже под общей анестезией.

– Давай составим твой профиль на сайте знакомств.

Приходится нарушить собственное правило молчания.

– С чего ты взяла, что у меня его нет?

Все понятно: она меня дразнит. Обитатели «Провиденса», вообще-то, безжалостно прямолинейны со мной. Хотя всегда с наилучшими намерениями.

– У тебя даже нет аккаунта в Instagram. Похоже, ты не из тех, кто любит себя там выставлять. Или я ошибаюсь?

Не ошибается.

– Мел, дай мне закончить работу.

Час тишины – поднять щиты!

Я перефразирую запрос ремонтной службе с «где вас черти носят?» на более дипломатичное «согласно моему предыдущему письму». Мне остается разве что мастер-класс в YouTube на тему «Сделай сам».

Отправив письмо, я нахожу в Word документ под названием «РУТИ_ПРОФИЛЬ». Судя по дате, я не открывала его с прошлого года, когда в момент жуткого одиночества мне на тридцать секунд показалось, что знакомство по Интернету – это хорошая идея. А может, она и впрямь не так плоха? Вполне приемлемый черновик профиля на сайте знакомств, который поможет мне найти своего единственного. Если бы Мелани на меня не смотрела, я бы не стала особо вчитываться.

Я могу познакомить тебя со своими набожными родителями?

У меня очень старая душа (мне 24, а по ощущениям все 124). Я видела своими глазами только один пенис (мельком) и осталась не настолько впечатлена, чтобы мне захотелось увидеть еще один (хотя, может, и стоило). Ищу терпеливого, надежного, ласкового, сердечного друга, способного сказать, что мой кардиган застегнут не на те пуговицы. Я живу и работаю в поселке для престарелых. Если все так и дальше пойдет, я и сама выйду здесь на пенсию.

Ладно, единственное обновление к своему профилю, которое я могу сделать теперь, – мне двадцать пять лет, а по ощущениям все сто двадцать пять.

Мелани спрашивает совсем как нетерпеливый надсмотрщик:

– Ну что, ты закончила наконец?

Стерев все уличающие меня свидетельства, я отвечаю вопросом на вопрос:

– А как дела с новыми положениями для резидентов, которые ты обещала ввести в систему?

Мелани недовольно надувает губы:

– Не понимаю, почему ты не хочешь использовать мой истинный талант? Тот самый, что нельзя вставить в резюме. – Она делает театральную паузу для пушшего эффекта. – У меня глаз алмаз, я сразу вижу, кто в кого влюблен. Если бы ты только знала, кто сидит напротив тебя, то двумя руками ухватила бы за такой шанс.

Когда кто-то настолько уверен в себе, устоять против искушения принять предложение совершенно невозможно.

– Ну у тебя действительно впечатляющее резюме.

Мелани вскидывает руки над головой:

– Знаешь, я веду жизнь временного работника. Хожу на разные работы, как на свидания, в поисках идеального варианта. И еще хожу на свидания со всеми парнями. А теперь ответь на вопрос, но только с ходу, не думая. Ты готова влюбиться?

– Да. – У меня не хватает духу сдержать это «да», и есть нечто унижительное в том, с каким энтузиазмом оно звучит.

Каждую ночь во время обхода территории я прохожу к ограждению с западной стороны «Провиденса» проверить, заперты ли на висячий замок роллеты, закрывающие мусорные контейнеры. Хотя отлично знаю, что никто не покушается на наш мусор. Затем я облокачиваюсь на ограждение из сетки-рабицы и смотрю на городские огни внизу. От осознания того, что мой ласковый сердечный друг сейчас может быть там, под лучами конкретного уличного фонаря, но я слишком труслива, чтобы отправиться на его поиски, сердце начинает ныть, точно больной зуб. Если срочно об этом не позаботиться, то, возможно, придется напрочь вырвать непослушное сердце.

Каждый вечер, когда я проверяю висячий замок, я гляжу на огни и прошу прощения у своего неизвестного друга.

Мелани смотрит на меня с таким неприкрытым сочувствием, что я отчаянно пытаюсь скрыть, сколько переживаний вкладываю в свое короткое «да».

– То есть я хочу сказать, каждый надеется найти...

– Ш-ш-ш! – повторяет Мелани до тех пор, пока мои попытки спасти лицо не иссякают. – Расслабься. Я тебе помогу.

За три недели, что Мел здесь работает, она сходила по крайней мере на четыре свидания; все в тапас-баре, который она называет «Клеткой». Перед каждым свиданием Мелани прикалывает шиньон в виде исключительно длинного черного конского хвоста, а затем заставляет меня проверить его со всех сторон. А еще она записывает детали каждого свидания на случай, если ее убьют. Неужели она хочет, чтобы я давала показания в полиции? Я не совсем уверена, насколько велика оказанная мне честь.

Я проверяю календарь. Мелани действительно работает здесь три недели. Может, на самом деле стоит воспользоваться удачной возможностью и проконсультироваться с высококлассным профессионалом? Она словно электромонтер для моей любовной жизни.

– А что говорится в твоём профиле?

У Мелани телефон всегда в руке. Она может открыть приложение, не глядя на экран.

– В моем говорится: «Крайне требовательная двадцатидвухлетняя принцесса, наполовину японка, не привыкшая извиняться. Готова к приключениям. Никаких чмошников, маленьких членов, голодранцев или тоскливых дятлов».

Лично я не могу с полной уверенностью сказать, что никто из них мне категорически не подойдет.

– А что, если твоя родственная душа входит в одну из этих категорий? Нищий чмошник или... – Я задумчиво созерцаю банан и гигиеническую помаду у себя на столе. В мире полно самых разных вариантов. У меня под затынутыми в пучок волосами внезапно потеет шея.

Мелани качает головой:

– Не входит. Неужели ты веришь в существование родственных душ? Вот уж не думала. – Мелани смотрит на меня, открыв рот. – Твой секрет сделает тебя чуть романтичнее.

– Ты вовсе не обязана мне помогать. Я и сама справлюсь. – Я пытаюсь дать задний ход, но все, поезд ушел: Мелани решила оказать мне помощь на безвозмездной основе.

Мелани открывает чистую страницу своего глянцевого блокнота:

– Имя. Ты предпочитаешь Рут или Рути Мидона?

– Рути вполне сойдет.

Не так хорошо рифмуется. В школе учителя использовали меня как своеобразный черный ящик самолета, когда ненадолго выходили из класса и возвращались в натуральный дурдом, и с тех пор мое школьное прозвище – Правдивая Рут. Я была набожной девушкой в туфлях из благотворительного магазина. У моих одноклассников были пони и гидроциклы.

Мелани немного отвлекается:

– Ой, у меня сообщение. Я ставлю ему четыре балла из десяти. Вот видишь? Маленький член. – Она поворачивает ко мне экран телефона; там действительно член. Мне для масштабирования нужен банан или гигиеническая помада. Мелани с усмешкой готовит ответ. – Я всегда посылаю в ответ фотку члена зебры. Чтобы им было на что равняться.

Это фото она тоже мне показывает.

Интересно, а какой мужской член сможет набрать десять баллов из десяти? Внезапно меня осеняет, что нас за это смогут привлечь. Члены на рабочем месте. Сильвия будет в ярости.

– Нам пора хотя бы немного поработать. И у меня действительно нет времени ходить на свидания. – Я архивирую бумаги под буквой «С» – от слова «скука».

– У тебя определенно есть время. Будем реалистами. И как ты умудрилась выдержать шестнадцать лет на такой работе?

– А сколько, по-твоему, мне лет? – Я вижу, как Мелани критически рассматривает мою одежду. – Мел, я проработала здесь шесть лет. Не шестнадцать.

– Мой контракт лишь до Рождества, а это целая вечность. Без обид. – В ее голосе слышатся скорбные нотки.

– У меня есть лишний йогурт, если хочешь. – Самое умное, что я могу придумать в ответ.

– Боже, конечно да!

Мы находим в себе силы продолжать.

– Мне двадцать пять. – Этот факт меня почему-то слегка смущает.

– Двадцать пять. Ты всего лишь на три года старше меня. Как такое вообще возможно? – изумленно говорит Мелани, записывая цифру в блокнот, и, поняв, что ведет себя бестактно, поспешно поправляется: – Но зато у тебя хорошая кожа. Просто, управляя этим местом, ты стала слишком взрослой. Я ничего такого не имела в виду.

Пожалуй, я воспользуюсь форматом ее профиля на сайте знакомств.

– Неприхотливая двадцатипятилетняя деревенская девушка, привыкшая постоянно извиняться.

Мелани, насмешливо фыркнув, начинает постукивать шариковой ручкой по столу и, устремив на меня критический взгляд своих темных глаз, спрашивает:

– С чего ты взяла, что ты неприхотливая?

– Посмотри на меня.

– Речь не о внешности. – Мелани проявляет великодушие. Я выгляжу нормально, хотя и совершенно заурядно. – Ты ведь не хочешь, чтобы парень прилип к тебе как банный лист? Чтобы постоянно присылал тебе сообщения, таскал по разным местам, осыпал подарками? Тебе нужно, чтобы парень был тобой одержим или чтобы оставлял тебе личное пространство? – Внезапно ее озаряет: – Упс! Тебя интересуют вовсе не мальчишки. И это тоже круто.

– На самом деле я не уверена. – Увидев, что Мелани растерянно моргает, я уточняю: – Мне нравятся мальчишки. Но я не хочу, чтобы какой-нибудь парень прилип ко мне как банный лист.

(Врушка. Я бы этого очень хотела.)

(Я так думаю.)

– А каким был твой последний бойфренд?

– Он был... – Мне ничего не приходит в голову, кроме того, что он был очень религиозным. Я молитвенно складываю руки в надежде, что Мелани поймет. – Давным-давно.

Мелани прищуривает один глаз:

– А поконкретнее?

Я не могу ответить на ее вопрос, не опасаясь, что прямо сейчас буду распята.

– Очень-очень давно.

Если бы это был фильм о подростках, там наверняка сделали бы монтажную перебивку парочкой сцен. Я, в платье для выпускного бала, танцую медленный танец с Благочестивым Молодым Человеком с говорящим именем Адам. И далее идет перебивка, где мы полураздетые лежим в кровати. Адам отвернулся от меня, его плечи содрогаются от рыданий. Если вам кажется, что хуже не бывает, как вы отнесетесь к тому, что:

- Мой папа священник?
- Буквально на следующее утро Адам пришел к моему папе за консультацией?
- Тема консультации: грех, который Адам со мной совершил?
- Ага.

Проведение консультации со мной дали на откуп маме, и она сообщила, что папа крайне разочарован моим выбором. Он, очевидно, был настолько разочарован, что с тех пор мы с ним практически не разговаривали, а я уже больше не делала неправильного выбора.

– Ты собираешься снова выйти на авансцену любовных отношений. – Мелани записывает сказанное. – Я составила профиль для сайта знакомств всем своим друзьям. А также моей старшей сестре Женевьеве. Платье подружки невесты фисташкового цвета – вот и вся ее благодарность.

Помолвленная сестра? Это действительно рекомендует Мелани как крепкого профессионала. Хотя немного напоминает начало другого фильма о подростках, а у меня нет ни малейшего желания играть в нем главную роль.

– Только, ради бога, не размещай ничего без моего разрешения!

– Не буду. – Мелани настолько потрясена моей просьбой, что мне становится стыдно. – Мы с тобой составим график домашней работы, для начала совсем простой. И ты в конце концов окажешься в «Клетке» рядом с сексапильным парнем, который будет целовать тебя в шею. И мы не будем брать первого встречного. К тому времени, как я отсюда уйду, у тебя наверняка уже кто-нибудь появится.

Я обалдело таращусь на Мелани:

– Но это категорически невозможно.

– Нет ничего невозможного, если следовать Методу Мелани Сасаки. – Она записывает эту фразу и несколько раз подчеркивает. – Метод Сасаки. Броское название. Совсем как у книг в жанре «помоги себе сам». Звучит точно название сериалов Netflix. – Она успела продать права буквально через десять секунд после того, как ей в голову пришла идея.

Мелани не единственная, кто опережает события. Я все еще нахожусь в плену у концепции встречи с сексапильным парнем, целующим меня в шею. К тому времени, как Мелани сотворит чудо и уволится, я буду смотреть рождественскую серию своего любимого телесериала «Посланная небесами» на диване рядом с кем-то, кто захочет меня поцеловать. А почему бы и нет?

– Итак, ты в деле? Попробуешь Метод Сасаки? – Мелани широко улыбается. – Вот уж повеселимся.

Я из тех, кто считает, что утро вечера мудренее.

– А я могу немного подумать?

– Ладно. Жду ответа самое позднее в пятницу, к концу рабочего дня.

Сегодня понедельник.

Мелани поворачивается к компьютеру и начинает печатать. И только я успеваю подумать, что случилось чудо и она взялась за работу, как мне на почту приходит приглашение встретиться в пятницу в семнадцать часов. Тема? Естественно, «Метод Сасаки». Я нажала на «принято», и таким образом, разговор не закончен, а всего-навсего перенесен на другое время.

Глава 2

Мы съедаем по йогурту, и Мелани начинает вводить в систему новое положение для резидентов. Но теперь, когда она и впрямь приступила к работе, я вроде не прочь еще поболтать. День сегодня чудесный. Через открытую дверь офиса я вижу аккуратную дорожку, ведущую к жилью резидентов. Идеальные живые изгороди, изумрудная трава и тонюсенькая голубая полоска неба.

– Мне нравится вид, который открывается с рабочего места Сильвии.

Мелани, продолжая печатать, отвечает:

– Ты что, хочешь ее подсидеть?

– Если не случится ничего катастрофического, она, по ее словам, сможет со спокойной душой выйти на пенсию.

Полагаю, она хочет уйти на пенсию до того, как дела примут действительно серьезный оборот.

Девелоперская корпорация Прескотта (ДКП) купила «Провиденс» восемнадцать месяцев назад. Корпорация славится тем, что перепрофилирует свои приобретения, придавая им более гламурный вид. Станет ли «Провиденс» центром здоровья? Бутик-отелем? Сценической площадкой для телевизионного реалити-шоу? Время шло, но ничего не происходило. Ни тебе визитов, ни звонков, ни бульдозеров. Но в итоге мы получили приказ на фирменном бланке ДКП: внести во все договоры аренды изменения с указанием нового срока ее окончания, а именно 31 декабря следующего года.

– Чудненько, – заявила мне миссис Уиттакер (та самая, с легендарными тремя бойфрендами), когда я занесла ей документ с изменением срока аренды. – Милочка, к тому времени я уже отойду в мир иной. У тебя есть авторучка?

Отношение постояльцев варьировалось от жизнерадостно-наплевательского до настороженного, замешанного на теории заговоров, которая подпитывалась слухами. Члены семьи одолели офис истерическими звонками с вопросами, на которые у нас по-прежнему не было ответов. Не исключено, что к следующему Рождеству нам тоже придется паковать вещи.

Мы не оставляем попыток объяснить ДКП, что они сделали идеальное вложение, путем регулярной отправки финансовых отчетов и интересных вырезок из газет о нашем вкладе в местное сообщество. Однако корпоративный папочка слишком занят, чтобы заметить наши табели успеваемости с отличными оценками и безупречные концертные номера. Мы забытые первые ученики. Хотя меня пока все устраивает.

Мелани поворачивает голову:

– Ой, я слышу скутер! Чур, не я! Тебе идти.

– Помощь резидентам входит в твои обязанности. На самом деле это твоя первейшая обязанность.

– Они такие дряхлые, что у них даже кожа прозрачная. А я этого не переношу.

Мелани встает и с телефоном в руке направляется в туалет.

Я выхожу на улицу обслужить клиента, если можно так выразиться, прямо в транспортном средстве. И слышу пронзительный визгливый голос:

– За те деньги, что мы здесь платим, они могли бы что-нибудь сделать с золотистыми черепахами.

Мне навстречу с горки на всех парах несутся сестры Парлони. Лидирует Рената, старшая сестра. Ей недавно стукнуло девяносто один. Я бросила в ее почтовый ящик поздравительную открытку, и открытка, порванная на мелкие кусочки, вернулась ко мне. Все нормально: я предвидела, что Рената именно так и сделает.

– Осторожнее, это вымирающий вид, – отвечает Агата (Агги).

Агги моложе Ренаты, ей восемьдесят девять, и она совершенно права. Золотистые черепахи действительно вымирающий вид, причем они реально везде. В «Провиденсе» самая большая концентрация золотистых черепах на планете. Сестры виляют вокруг светодиодных светильников, разбросанных вдоль дорожки, и у меня сердце уходит в пятки.

– Если кто и является здесь вымирающим видом, так это я! – кричит ей в ответ Рената. – Из них нужно сделать гребни для волос.

Поравнявшись со мной, сестры жмут на тормоза. Из портативного радиоприемника Агги орет Бритни Спирс.

В свое время Рената была редактором журнала мод. Этот дьявол носит вещи никому не известных брендов. На YouTube можно найти кадры съемок с модного показа 1991 года, где Рената назвала Карла Лагерфельда Берни из фильма «Уик-энд у Берни» прямо в лицо. А он припечатал ее по-французски неприличным словом, однако Рената сочла это своим триумфом. *У него даже не нашлось креативного ответа.*

Журнала «В тренде или нет» давно не существует, но Рената полностью не отошла от дел. Я постоянно вижу на ней логотипы различных брендов.

Ее сестра Агги Парлони – моя икона стиля. Серый костюм, белая блузка, черные лоферы. Коротко стриженные седые волосы. Агги умная, подтянутая, здравомыслящая. Мы с ней прекрасно ладим. Агги по натуре довольно спокойная, хотя и производит много шума из-за своего радиоприемника. Местная радиостанция устроила конкурс: тот, кто назовет песню, которая прозвучит два раза в течение дня, получит 10 000 долларов. Агги не нужны деньги или случайные призы. Вся штука в этом «а что, если» между началом игры и получением приза, на которое подседа Агги.

– Ну как, вам улыбнулась удача? – громко спрашиваю я.

Агги немного уменьшает звук и протягивает мне несколько конвертов. Конверты, с уже наклеенными марками, готовы к отправке с дневной почтой. В письмах, наверное, заметки на двадцать пять или меньше слов. Соберите десять купонов. Назовите эту яхту, чтобы получить шанс выиграть.

– Мне действительно кое-что привалило, – небрежно говорит Агги, вроде как заранее ожидая подначку.

– Она выиграла фрисби, – хмыкает Рената. – Попросим соседей его побросать. Сломаем парочку бедер.

У меня перед глазами тут же материализуется сей мысленный образ.

– Я еще чем-нибудь могу быть вам полезна?

То, что они не тащат на буксире своего помощника, – очень плохой знак.

Рената улыбается и становится воплощением зла.

– Нам нужен новый.

Я точно знаю, что она имеет в виду.

– А что случилось с Филиппом?

Она пропускает мой вопрос мимо ушей, сдвигает на нос солнечные очки – так невозмутимо, как мне и не снилось, – и устремляет взгляд на пустое кресло Мелани:

– А где твоя хорошенькая азиатская прислуга? Или это не политкорректно? Вдохновившись ею, я заказала миленький черный парик.

– Вы определенно не можете ее так называть. – Я выразительно смотрю Ренате прямо в глаза. – Что касается парика, Мелани будет весьма польщена. В данный момент она проверяет в туалете свои социальные сети.

Хмыканье Ренаты действует на мое кровообращение, словно наркотик. В «Провиденсе» это равнозначно тому, чтобы рассмешить самую популярную девочку в школе.

– Ох уж эта современная молодежь! Как всегда, в туалете, где им и место. Жаль, что у меня нет Instagram.

– А что тебе мешает его завести? – Агги – тайный провокатор.

Спасибо большое. Теперь мне придется делать фото Ренаты в жанре стритстайл на фоне кирпичной стены.

Рената прищуривается, словно я обложка журнала, которая категорически не в тренде.

– Юная леди, ты сегодня выглядишь ужасно старообразной. А где тот защитный козырек, что я подарила тебе на Рождество? – рокошет Рената, распугивая птиц, и после смены звуковой дорожки поворачивается к сестре. – Агги, тебе нужны ПЕЧЕНОЧНЫЕ ПЯТНА. «Посмотри на мои пятнистые СТАРЫЕ РУКИ». Сегодня утром они ставили именно эту песню. Давай звони им. Быстро.

Агги заглядывает в записную книжку:

– В девять ноль девять передавали «Билли Джин». А это «Триллер». Расскажи ей, что ты сделала с Филиппом.

Рената выглядит триумфатором.

– Я в шутку дала ему свои трусики и попросила погладить. Кто знал, что такая простая просьба станет последней каплей?

– Он просто взял свои ключи и ушел, – устало говорит Агги. – Два с половиной дня. Филипп продержался дольше других.

Некоторые люди для развлечения едут на сафари. Рената Парлони охоте на диких зверей предпочитает весьма специфический вид игры. Она перезаряжает свое оружие, заявляя:

– Давненько у нас не было мальчика-гота. Мне нужен тот, кто постоянно думает о смерти.

Я собираюсь с духом:

– Мы ведь договорились. Даем разумное объявление. Сейчас принесу.

Я уже представляю, как буду докладывать Сильвии, что раз и навсегда урегулировала вопрос с сестрами Парлони.

Когда я возвращаюсь с нужной папкой, Рената говорит мне:

– Прочти старое объявление. Хочу понять, что тебя не устраивает.

– «Открыта вакансия. Две дряхлые старухи, проживающие в поселке для престарелых „Провиденс“, ищут помощника мужского пола для периодической эксплуатации и беззлобных издевательств».

Рената меня обрывает:

– Ну и что не так с этим куском?

Сестры слегка раскачиваются на своих скутерах для пожилых людей. Невозможно спокойно усидеть на месте, когда по радио передают «Триллер». Я переминаюсь с ноги на ногу, сдерживая желание танцевать.

– Дискриминация по половому признаку незаконна. А в вашем объявлении сказано, что вакансия открыта исключительно для мужчин, – объясняю я.

– У меня нет ни малейшего желания давать указания женщине. Читай дальше! – велит Рената, и Агги бросает на меня сочувственный взгляд.

Я продолжаю:

– «Обязанности помощника включают: шопинг в бутиках, доставка фастфуда и искренняя лесть. Приятная внешность – это бонус, но мы невзыскательны». – Я обращаюсь уже к Агги: – Не уверена, что это тоже законно. Вы сами видите, что таким образом вы не найдете никого, сколько-нибудь полезного для вас. Все, кого удавалось найти до сих пор...

Рената снова меня перебивает:

– Тощие мальчишки на скейтбордах и с темными кругами под глазами. Никчемные сопляки, не умеющие очистить апельсин или управлять автомобилем с механической коробкой передач.

Я достаю составленный мной черновик объявления:

– «Требуется: человек с опытом ухода за пожилыми для оказания помощи двум активным дамам в возрасте, проживающим в поселке для престарелых „Провиденс“. Домашние обязанности, загородные прогулки и прочие поручения. Водительские права и проверка в полиции обязательны». – Я стараюсь не ежиться под убийственным взглядом Ренаты. – Мы ведь договорились.

Агги на моей стороне:

– Рен, думаю, нам стоит согласиться на это объявление. Было бы неплохо иметь рядом человека, способного хоть что-то делать. Стирать. Стелить постель. Я слишком старая, чтобы жить в бардаке из-за твоего странного хобби.

Рената взрывается:

– Мы с тобой договорились, что если разбогатеем и состаримся...

– Это было пятьдесят пять лет назад, – обрывает сестру Агги. – Ты мстишь всем представителям мужского пола. Да, иметь рядом молодых, конечно, восхитительно. Но у меня нет чистой одежды. Нет чистой кофейной кружки. Не лишай меня комфортной жизни. Мои руки больше никуда не годятся. – Агги страдает периферической невропатией, вызывающей онемение пальцев.

Лицо Ренаты смягчается.

– Ну ладно. Последний мальчик – и я выхожу из игры. Приложу максимум усилий, чтобы его натаскать. Рути, найди нам такого. – Она поправляет свой козырек. – Мне нужно глотнуть горьчительного. Но у меня нет парня, чтобы его приготовить. Тьфу, пропасть!

– Может, с последним парнем мы вытянем счастливый лотерейный билет, – без особого оптимизма говорит Агги. – Ведь кто не рискует, тот не пьет шампанского.

– Пойду разберусь с объявлением и заодно захвачу вашу почту. Хорошего дня.

Я должна сохранять хотя бы крупицу оптимизма. Мне почти удается дойти до двери, но меня останавливает Рената:

– Нам нужно заправить автомобиль. Нам нужны какие-нибудь снеки. А еще обед из тайского ресторана. Ничего острого. Никакой лапши или риса. Никаких супов или кокоса. И категорически никакой кинзы или мяты.

При мысли, что вечером придется покинуть пределы поселка, у меня учащается пульс, но я не могу обречь сестер Парлони на голодную смерть.

– Сегодняшний вечер у меня занят... Ну да ладно.

– У тебя? Занят вечер понедельника? – фыркает Рената. – Я тебя умоляю! Послушай, если ты и дальше будешь такой же лапочкой, я внесу тебя в свое завещание. – Ее обычная тактика. Мы с Агги прерываем Ренату увещаниями, но она как ни в чем не бывало продолжает: – А еще купи свежих цветов. Какой-нибудь элегантный микс. Но никаких лилий. Ты ведь знаешь, не люблю чувствовать себя будто на собственных похоронах.

Я совершенно точно знаю, из-за каких именно цветов она непременно на меня наорет. Я обращаю лицо к небесам и посылаю мысленный призыв: «Сил моих больше нет. Пожалуйста, пошли нам этого последнего парня!»

Рената включает скутер и разгоняется.

– А когда вернешься, зарегистрируешь меня в Instagram. Потом починишь наш DVD-плеер. – Голос Ренаты постепенно замирает вдалеке. – Затем останешься и посмотришь с нами DVD. После чего можешь постирать Агги все... – (Неразборчиво.)

Моим единственным планом на сегодняшний вечер было пройти 127 шагов от офиса до моего коттеджа, принять горячую ванну и посмотреть «Посланную небесами». Но похоже, вместо этого придется выйти в люди. К несчастью для меня, бензин – это единственная вещь, которую не доставляют на дом.

– Рути, спасибо большое. – Агги пытается высвободить кошелек из своей элегантной сумочки, о которой я втайне мечтаю, и вынимает две стодолларовые банкноты из пачки тол-

щиной в дюйм. – Этого достаточно? Я была бы счастлива сделать тебя нашей помощницей, но Сильвия ни за что не разрешит. Девушки вроде тебя сейчас на вес золота.

Если Сильвия уступит меня сестрам Парлони, я начну стареть со скоростью десять лет в неделю, и в результате мне стукнет 135 лет.

– Я найду надежного человека. Нужен кто-то, кто смог бы вести ваше хозяйство. Что сразу облегчит вам жизнь. – *(И вам, и мне.)* – Я надеюсь, что, когда Сильвия вернется...

– Не волнуйся. Я скажу ей, что ты прекрасно здесь управлялась. – Агги вынимает третью банкноту из пачки. – Я хочу извиниться за Рен. В знак благодарности прими вот это. – Не сводя глаз с удаляющейся спины сестры, Агги протягивает мне хрустящую столларовую бумажку – такой идеальной банкноты мне еще не доводилось видеть.

– Ой, спасибо, конечно, но это совершенно лишнее. – Я пытаюсь вернуть деньги, однако Агги уже прячет кошелек в сумочку. Мы слышим, как Рената издалека продолжает что-то выкрикивать. – Агги, вы слишком щедры.

– Это ведь не противоречит правилам. Ты можешь спокойно взять деньги. Побалуй себя. – Агги смотрит на мой скромный прикид, но не критически, а скорее доброжелательно. Все предметы моего гардероба чистые и опрятные, но крайне убогие. – Не забывай, что тебе двадцать пять. Как здорово быть такой молодой! Единственный приз, который мне не суждено выиграть. – И с этими словами она на всех парах мчится прочь.

Я кладу свалившиеся с неба деньги в карман и возвращаюсь в офис. Мелани уже сидит за своим столом. С уха у нее свисает белый наушник, и она босиком. Я кладу рабочую папку в ее лоток для бумаг, а письма Агги – в контейнер для почты.

– Пусть их объявление с приглашением на работу повисит пару дней, а потом заменим его на мой вариант. Можно тебе это поручить?

Местное агентство по трудоустройству, которое прислало нам Мелани, категорически не желает иметь дело с сестрами Парлони. Мы забросили сеть и теперь обшариваем Интернет в поисках новых мальчиков. Я вспоминаю о своих устремлениях найти себе пару и невольно морщусь. Неужели мне придется делать то же самое?

– Не вопрос. Я застряла с этими новыми положениями для резидентов. Какой срок окончания договора поставить?

– Все договоры истекают тридцать первого декабря следующего года.

Мелани поднимает на меня вопрошающий взгляд:

– А что будет потом? Им продлят договор на проживание? – Ей в голову приходит какая-то мысль. – Это потому, что они все... ну ты понимаешь? Такие старые?

– Нет. Это наша новая корпоративная политика. В действительности мы просто не знаем, что случится после этой даты. – Я шарю у себя за спиной и нахожу папку Сильвии с надписью «ДКП». – Можешь от нечего делать прочесть для общего развития. Я, возможно, пойду прогуляюсь, навещу кое-кого из резидентов.

Мелани открывает папку, но, решив, что это слишком скучно, говорит:

– Подумай насчет Метода Сасаки. Подумай о том, как подарить улыбку первому симпатичному парню, которого ты встретишь.

И я действительно об этом думаю, пока поднимаюсь в гору, по дороге отгоняя черепах рукой в латексной перчатке. Я награждаю каждую из них фальшивой игривой улыбкой. Я точно знаю: когда пойду назад, черепахи снова усеют всю дорожку.

Зато никто не сможет сказать, что я хотя бы не попыталась.

Глава 3

Пора садиться в седло и отправляться в путь на этом блестящем чужом скакуне. Для путешествия мне понадобятся:

- крутой кардиган (с лисами и грибами);
- заново затянутые в пучок волосы без выбившихся прядей;
- почищенные зубы и розовый блеск для губ;
- немного отваги, что, насколько я понимаю, несколько странно.

Держи крепче шляпу, друг, мы сейчас поскачем в долину и... Кого я хочу обмануть? Я сижу здесь, вся на нервах. Я как-то прогуглила, сколько стоит автомобиль Парлони, и мой мозг мгновенно забыл сумму, вроде как в результате психологической травмы. Ненавижу покидать это место! А вдруг что-нибудь случится? Кто-нибудь упадет? Гидрант взорвется? Золотистая черепаха вывихнет лодыжку? Я заставляю себя запустить (очень дорогой) двигатель, потому что чем раньше я выеду, тем быстрее вернусь к вечерней серии своего любимого шоу.

Об этом не знает ни одна живая душа, но я одна из основателей уже давно существующего онлайн-форума «Небеса послали тебя сюда», посвященного сериалу «Посланная небесами». Герои этого сериала – пастор Пирс Персиваль, его жена Тэффи, их трудолюбивая дочь-подросток Франсин, а также озорные восьмилетние близняшки Джасинта и Бетани.

Форум предоставляет доступ к годовому глобальному пересмотру всего шоу. Сегодня вечером мы будем смотреть восьмую серию второго сезона. Ту самую, где в христианском летнем лагере скучающим по дому близняшкам показалось, будто они видели лицо Иисуса, отпечатанное на маршмеллоу. Когда я, выполнив поручения сестер Парлони, вернусь домой, мне придется пересмотреть серию, чтобы освежить память и начать дискуссию.

Итак, держа в голове свою задачу, я отправляюсь в путь. Ну и ну! Я в большом мире. Заправляя автомобиль жидким золотом на самой безлюдной автозаправке, я ловлю себя на том, что разглядываю спину какого-то парня. У него очень длинные черные волосы, по сравнению с которыми конский хвост Мелани – это вообще ни о чем. Пустая трата таких шикарных блестящих волос на мужчину. Спорим, он даже не увлажняет их кондиционером и не подстригает концы. Он сидит боком на мотоцикле, лодыжки скрещены, неземной красоты волосы черным смерчем вздымаются на ветру.

Парень не подозревает о моем присутствии. Тем лучше для меня.

Этому конкретному субъекту лет двадцать пять. Кожа, плотно обтягивающая тело, сплошь покрыта татуировками. Я вижу скорпиона, нож с вилкой, бриллиантовое кольцо. Его тело будто страница книжки, которую он лениво чиркает у телефона, ожидая соединения с электрической компанией. Летящие вверх бабочки, складной нож, пончик. Мастерство исполнения замечательное. Парень явно постарался украсить себя изображением тривиальных, совершенно не связанных между собой вещей.

Ни одной цветной накладки. Мне хочется достать пенал с цветными карандашами и приступить к работе. Я начала бы с большой распустившейся розы на предплечье. Но на самом деле использовала бы розовую губную помаду. Скошенный кончик как раз подойдет для лепестков, каждый из которых не больше следа от накрашенных женских губ.

Парень поворачивает голову, инстинктивно чувствуя на себе мой взгляд, но на меня не смотрит. Я сверлю глазами бетонное покрытие под ногами, пока он не отворачивается. Затем прижимаю руку к горлу, чувствуя, как сильно бьется сердце. Интересное развитие событий: мое тело неожиданно понимает, что ему двадцать пять.

Мелани велела мне рискнуть и улыбнуться какому-нибудь парню. Я пристально оглядываю себя. Мама однажды сказала, что у меня красивые икры. Мое отражение в окне автомобиля вполне приемлемое, даже симпатичное, если сделать лицо попроще.

Представьте, каково это быть парнем. Каково это сидеть на подтянутой, тугой заднице, которая не растопыривается, точно курица, когда садишься? Если бы я хотя бы на день превратилась в мужчину, то в течение первого часа таскала бы на себе тюки сена, чтобы хорошенько пропотеть. После чего набралась бы мужества расстегнуть молнию на штанах, чтобы решить, является ли возможность увидеть пенис приоритетным направлением движения вперед. Минута-другая – и «роллс-ройс» насытился, а парень продолжает сидеть неподвижно. Второго шлема я не вижу. Но зато есть плотно набитый рюкзак. Теперь меня волнует молния уже на других штанах.

Я запираю автомобиль. Проверяю каждую дверь. Едва слышно говорю себе:

– Я заперла двери автомобиля.

И, почти убедив себя, вхожу внутрь, чтобы заплатить.

Пока я зависаю над мягкими на вид плитками шоколада для Ренаты, мои уши улавливают приглушенный разговор по телефону служащего заправки:

– Похоже, он собирается его украсть.

Я кидаюсь к окну проверить автомобиль, но Татуированный Парень сидит, где сидел. Я выкладываю покупки на прилавок.

Служащий говорит в трубку:

– Прошло больше десяти минут. Он заправил мотоцикл, не может заплатить и теперь решает, что делать. – Служащий сканирует мои покупки и шепотом озвучивает общую сумму, одновременно продолжая разговор по телефону: – Ага. Как только он включит зажигание, я вызываю копов.

Я бросаю взгляд в грязное оконное стекло. Судя по понуро опущенным плечам и задумчивому выражению лица, парень переживает ужасный момент жизни. А я-то, глупая, забыла обо всем, когда восхищалась его задницей. Потом заподозрила парня в краже. Интересно, у него действительно нет денег? В свое время я оказалась в аналогичной ситуации. Я всего несколько недель находилась в свободном плавании, вдали от родного дома, и мою кредитную карточку отклонили. Я тогда покраснела как рак, едва сдерживая слезы. Какая-то добрая женщина заплатила за меня и исчезла в ночи. Единственное, что она сказала, было: «Заплати за другого».

Пора отдать мой кармический долг.

– Я заплачу за него. Сколько с меня? – Я выуживаю заветную стодолларовую банкноту.

Служащий кладет трубку:

– Двадцать долларов. Какая вы милая.

Сказано это таким тоном, что я отнюдь не чувствую себя такой уж милой.

Я уже готова открыть дверь автомобиля, но тут из громкоговорителя раздается голос служащего автозаправки:

– Колонка номер два, благодари своего доброго самаритянина. За твой бензин заплатили. Можешь ехать.

Мы здесь единственные клиенты. Лучший вариант для меня – просто растаять в ночи. Я предпринимаю попытку. И слышу за спиной голос Татуированного Парня:

– Мэм, спасибо большое.

– Нет проблем. – Я вожусь с ключами от машины и роняю покупки. – Не стоит благодарности.

– Вы спасли мою жопу... Я хотел сказать, мою задницу. У меня еще никогда не было такого паршивого дня. – Приблизившись, он добавляет: – Я где-то посеял свой бумажник.

Впрочем, я всегда его нахожу. В мире полно добрых самаритян вроде вас. Если дадите свои координаты, я при первой же возможности вышлю вам деньги.

– Совершенно необязательно, – отвечаю я, но теперь он прямо у меня за спиной.

Я даже чувствую запах его хлопковой футболки. Я опускаю глаза на свои лоферы и вижу крупные руки в наколках, собирающие с земли продукты, которые я уронила.

Не стану говорить: «Заплати за другого». Мужчины, возможно, сочтут это девчоночьими глупостями. Впрочем, нужно постараться, чтобы было что рассказать Мелани. Я разворачиваюсь.

– Ну вот и все. – Собрав шоколадки, он выпрямляется. На его лице написано неприкрытое удивление. Секунда-другая – и из его груди вырывается радостный клич. Он смотрит на небо и орет во весь голос: – Боже мой, ты выглядишь просто обалденно! – (Неужели Мелани заплатила блестящему местному актеру, чтобы меня взбодрить?) – Вот блин! Это круто. Ты меня сделала. – Не дождавшись ответа, он продолжает: – Могу честно сказать, если посмотреть на тебя со спины, то у тебя здорово получилось. – У него симпатичная белозубая улыбка и манера откидывать волосы назад. – Люблю костюмированные вечеринки. А можно мне с тобой?

Его стройное мускулистое тело содрогается от смеха. Оно явно хорошо накачено. Парень стоит так близко, что на секунду у меня слова застревают в горле. Наконец я обретаю дар речи:

– Прощу прощения?

Он смотрит на мою грудь с неприкрытым одобрением. Очки, в которых я работаю за компьютером, висят на цепочке на шее.

– Гениально, – благоговейно произносит он и снова разражается смехом. – Ты что, решила выбрать костюм одной из героинь сериала «Золотые девочки»?

– Нет...

– Тебе не хватает лишь нитки жемчуга и трости. Нет, вы только посмотрите на эти бабушкины туфли! – Он произносит это с ворчливым одобрением в голосе и шутливо наступая мне на ногу. – Ты даже раздобыла старушечий автомобиль в тему. Надо же, ты все продумала. – Он смахивает слезы с глаз. – Ты похожа на Бабулю Твити.

– Совершенно необязательно быть таким грубым. – Эти чопорные слова вырываются у меня, прежде чем я успеваю сообразить, что мне следовало сказать: «Ну да, я еду на грандиозную вечеринку и надеюсь, что мой костюм займет первое место».

Не уверена, что я помогла человеку, который действительно в этом нуждается. Татуировки – штука дорогая, а их у него – на кругленькую сумму. Джинсы, не типичные для байкера, с кучей швов и диагональных линий, явно дизайнерские. Мои глаза, привыкшие к коммисионкам, обнаруживают крошечный логотип на кармане: «БАЛЬМЕН». Очень, очень дорого.

Парень замечает мой интерес. Его губы изгибаются в озорной ухмылке.

– Итак, сколько тебе лет? Ты, случайно, не восьмидесятилетняя старушка, сделавшая подтяжку лица?

– Сколько мне лет, тебя не касается. – То, что меня давно подмывало сказать резидентам «Провиденса», я выпалила в лицо татуированному парню на мотоцикле. – Я заплатила за твой бензин, так как решила, что ты в беде. Но теперь вижу, что на самом деле ты вовсе не нуждаешься в помощи.

– Ну, я просто настраивался на то, чтобы позвонить папе. – Парень почесал подбородок, и я не смогла разобрать слово, наколотое на костяшках пальцев. – Я стараюсь попадать в передряги в рабочее время, чтобы вместо папаши говорить с его помощником. Меньше нотаций.

– Я дам тебе мой адрес PayPal. Можешь перевести мне деньги. Найду кого-нибудь, кто действительно в них нуждается.

Я не могу написать адрес на кассовом чеке для сестер Парлони. В кармане у меня лежит одна из визиток Сильвии. Я зачеркиваю ее имейл и записываю свой. Ухмыляющийся служащий автозаправки одобрительно поднимает большие пальцы вверх, и я заливаюсь краской стыда.

Парень внимательно изучает визитку:

– Поселок для престарелых?

У него вспыхивают глаза. Радужная оболочка разноцветная. Я где-то такую уже видела, вот только не помню, где именно. Парень снова давится от смеха.

– Да что с тобой такое? – Я втискиваюсь в автомобиль и запираю дверь.

– погоди, погоди! – кричит парень.

Его приглушенное «мне жаль» остается далеко позади. Мне тоже жаль. Даже забавно, насколько быстро в большом мире хороший поступок может превратиться в плохой, совсем как фрукт, гниющий в замедленной киносъемке.

В ожидании просвета в потоке транспорта я смотрю в зеркало заднего вида, молясь в душе, чтобы парень не вздумал за мной поехать. Прижатое к виску основание ладони на понятном всем языке означает: «Я облажался». По крайней мере, он хоть осознал. Большинство людей, которые задевают мои чувства, об этом даже и не подозревают. Я только что вложила двадцать долларов в то, чтобы напомнить себе, почему я остаюсь в «Провиденсе» и зависаю в своем маленьком уютном форуме в укромном уголке Интернета.

Мой маленький мир – поднять щиты!

– Ты сегодня весь день какая-то притихшая, – произносит у меня за спиной Мелани. – Неужели я что-то такое сказала или...

– Вчера вечером мои чувства действительно были слегка задеты. Но ты тут ни при чем. – Я не свожу глаз с парковки в ожидании появления машины.

Разобравшись с сестрами Парлони и оставив их спать, рука в руке, на диване, я застыла перед зеркалом в своей спальне. После чего взяла настольное зеркальце, чтобы рассмотреть себя с тыла. Тот парень был прав: под любым углом я выгляжу как старушка. Я послала сообщения своим подругам, с которыми мы вместе администрируем форум: Остин, Джей-Джей и Кэтлин. Групповой чат превратился в дружный хор возмущенных голосов – *какой придурок, это так ГРУБО, конечно, ты не старая*, – однако все эти заверения нельзя было считать достаточно авторитетными, поскольку мы никогда не встречались.

– Я тебе вот что скажу. Рути, ты хороший человек, – любезно говорит Мелани. – И ты не заслуживаешь, чтобы кто-то задевал твои чувства. Скажи, кто это сделал, и я убью его.

– Совершенно незнакомый человек. Кто-то, кого я больше никогда не увижу. – Я еще раз смотрю на часы, счастливо избегая прилива эмоций, от которых сжимает горло. – Я должна сосредоточиться на встрече. Хотелось бы знать, чему она посвящена.

– Прости, – произносит Мелани. – Я знаю, что неслабо облажалась.

Сегодня утром, когда я, стоя на лестнице, меняла перегоревшую лампочку возле досугового центра, Мелани приняла для меня сообщение. Единственное, что она написала, было:

- Джерри Прескотт
- Сегодня в три часа дня
- Что-то насчет починки?

– Джерри Прескотт – владелец «Провиденса», – объяснила я, чувствуя, как по жилам растекается ужас. – Ты говорила с его помощником? – (Мелани покачала головой.) – Ты говорила с владельцем Девелоперской корпорации Прескотта? ДКП? ДКП?

– Он был очень любезным. По-моему, – ответила Мелани.

Я испробовала все вплоть до импровизированного сеанса гипноза в темном офисе, но Мел клялась, что больше ничего не помнит. Помощник Джерри так мне и не перезвонил.

На парковку сворачивает мотоцикл.

– Нет, не он.

Я жду арендованный автомобиль.

Мотоциклист снимает шлем, трясет головой и смотрит на дверь офиса. Эти потрясающие волосы я бы узнала где угодно.

Глава 4

У меня в груди распускается доселе незнакомое чувство. Сердце колотится прямо в ушах. Злость, возбуждение? Парень с автозаправки здесь, чтобы вернуть долг, или извиниться за то, что посмеялся надо мной, или попросить еще денег.

– Здорово! – Я вся на нервах. И у меня нет ни времени, ни сил разбираться с ним. – Мел, мне нужно, чтобы ты кое-кого отвлекла.

– Ради этого я и живу, – моментально отзывается она. – Только покажи, кого именно.

Но... мой рот остается закрытым. Мне не хочется делегировать полномочия. Ветер подхватывает волосы парня и лихо закручивает их спиралью. Совсем как тогда на автозаправке, когда он сидел боком на мотоцикле и явно никуда не спешил. И все тот же раздутый рюкзак. Сомневаюсь, что разъезжать со всеми пожитками за спиной так уж удобно.

– А это еще кто такой? – спрашивает Мелани, которая подошла посмотреть. – Ты его знаешь?

– Он должен мне денег. Только не спрашивай. – Мне ужасно нравится быть загадочной. Кто бы мог подумать?

– Но у меня много, много вопросов, – не соглашается Мелани. – Я реально жалею, что мы не успели договориться насчет Метода Сасаки, а иначе я могла бы дать тебе хороший совет. Этот парень слишком крутой для тебя, детка.

Ну и зачем нужно так говорить? Я овца. Он на мотоцикле. Я еще помню свою старшую школу и знаю, какие комбинации невозможны в реальной жизни. Я снова чувствую знакомую ноющую боль в сердце, словно Мелани воткнула большой палец в мягкий персик.

– Я и через миллион лет никогда не...

Мелани останавливает поток моих протестов:

– Ты весь день ходишь как в воду опущенная. Ума не приложу почему. Но я не позволю, чтобы этот тип задел твои чувства. Он – «ламборгини», а ты – начинающий водитель. Ты нажала на газ и впилилась в стенку. Травмировав себя.

– Все совсем не так. Ты неверно поняла.

– Я вижу плохого парня. Интересно, а ты его тоже видишь? – (Я неохотно киваю.) – Тебе нужен славный мужчина, который не разобьет твое сердце. Никогда не давай деньги в долг. Никогда не позволяй обижать себя. – (Последняя фраза вроде покровительственной выволочки.) – Как ни странно, теперь я даже рада, что ты никуда не ходишь.

От смущения и непривычного чувства дружеской руки на своем плече я становлюсь резкой.

– Мел, я вовсе не такая дура, как кажусь со стороны. И не представляю себя рядом с таким парнем, как он.

Врушка. Все я прекрасно представляю.

Я чувствую скрип гравия у себя под ногами. Я встаю между коленями парня и ласково наматываю шикарные волосы на кулак. Откидываю назад его голову. Глаза парня загораются удивлением, он едва сдерживает смех. Но позволяет себя удерживать. Я говорю ему нечто откровенное, заставляя краснеть от смущения. Я прижимаюсь губами к его рту и...

Мелани вклинивается в мои мысли:

– Не стану осуждать тебя за желание пофантазировать. – (Я отчаянно стараюсь не дернуться.) – Ух ты! Какие красивые волосы! Может, даже красивее моих. Блин! Ненавижу этого парня! – Она отпускает мое плечо и дергает себя за конский хвост, и, словно почувствовав ее внимание, парень перетягивает черную гриву волос резинкой, надетой на запястье. Для широкой публики будет куда безопаснее, если он зачехлит свое главное оружие. – Ты действительно не хочешь признаться мне, как вы познакомились? Ну скажи хотя бы, как его зовут.

– Не могу.

Безымянный парень по-прежнему сидит там, шумно зевая. К его ботинку подползает похожая на лепешку черепаха. Парень подбирает черепаху, что-то говорит ей, осторожно раскачивает на ладони и отпускает на волю. И в голове у черепахи сейчас идет некий мыслительный процесс: «Он такой большой, красивый, забавный, но почему он так со мной поступил? Я в принципе не ранена, но явно... не в порядке».

Быть может, парень сейчас репетирует, что будет говорить мне. Хорошая речь в сочетании с этим роскошным торсом и отданными двадцатью долларами – и, возможно, я верну себе веру в человечество (по крайней мере, в его молодую часть). Мне никак не отвести глаз от этого субъекта.

А часы между тем тикают, приближая появление Джерри Прескотта. Нужно срочно собраться.

– Я выскочу на минутку. Просто чтобы избавиться от него.

– Нет, я сама к нему схожу, – заявляет Мелани.

Я открываю рот, чтобы ответить, и тут вдали появляется седан последней модели. Арендванный автомобиль, который я все высматривала. Ускорившись, он въезжает на парковку и под пронзительный скрип тормозов останавливается рядом с мотоциклом. Несчастливая черепаха, вероятно, уже превратилась в блин. Из седана выскакивает мужчина, и это Джерри Прескотт. (Я провела интенсивные изыскания в Интернете и могу сказать наверняка.)

Джерри Прескотт что-то говорит Татуированному Парню и хлопает его по плечу. Эй, чувак, как дела? Все мужчины – члены одного большого пенис-клуба. Я смотрю на Татуированного Парня и мысленно обсасываю слова «большой пенис»...

Усилим воли я отхожу от окна и переставляю стаканы для воды на крошечном столике для посетителей.

– Они идут сюда вместе, – докладывает Мелани. – Молодой поднимает другую черепаху. Показывает ее старику, который явно злится. Идут по дорожке. У них какой-то ужасно серьезный разговор. Тыкают друг друга в грудь. Сейчас я их не вижу, но, скорее всего, они уже под дверью...

– Тук-тук-тук, – произносит Джерри Прескотт, появляющийся на пороге, и я буквально подпрыгиваю от неожиданности.

Он входит внутрь, а Татуированный Парень остается стоять, прислонившись к дверному косяку, в одной руке – сучащая лапами черепаха, с другой – свисает набитый рюкзак.

– Здравствуйте, мистер Прескотт. Приятно познакомиться. Я Рути Мидона. – Я лавирую по тесному офисному пространству навстречу Прескотту, чтобы пожать ему руку. – Держу оборону в отсутствие Сильвии Драммонд.

Мои слова звучат напыщенно и старомодно. Типичная старорежимная секретарша в кардигане и лоферах. Боже мой! На мне по-прежнему компьютерные очки на цепочке. А ведь их уже брали на заметку.

– Ой, привет! – обращается ко мне Татуированный Парень, словно к старой знакомой. – Прошлой ночью мне приснился ужасно интересный сон, где фигурировали твои очки.

Я решаю пропустить его замечание мимо ушей.

– А это Мелани Сасаки, моя временная помощница.

– Рути, Мелани, очень рад познакомиться с вами. – Джерри решительно взмахивает руками. Он постаревшая версия Высокого Темноволосого и Красивого Незнакомца из женских романов. Его улыбка демонстрирует хорошую работу дорогого дантиста. Лично мне Джерри говорит: – Наслышан, наслышан о вас от своей команды в штаб-квартире. А вы гораздо моложе, чем я думал.

– Мне это часто говорят.

Татуированный Парень широко ухмыляется, демонстрируя не менее хорошую работу дорогого дантиста.

Я встречаюсь с Татуированным Парнем глазами:

– Извини, но у меня сейчас деловая встреча. – Что означает: «Убирайся отсюда».

– Это мой сын Теодор. – Джерри поворачивается к парню. – Подойди и представься.

– Привет, я сын этого человека, – сделав тупое лицо, говорит Теодор, и Джерри хмурится. – Малолетний отпрыск Прескоттов.

– Ты можешь хотя бы раз в жизни быть серьезным? И, ради всего святого, отпусти черепаху. Прошу прощения, – нарушает неловкую тишину Джерри, когда Теодор выходит наружу выпустить пленницу.

Единственное объяснение сегодняшнего визита – то, что я каким-то образом по-крупному облажалась. Я перебираю в памяти все детали разговора на автозаправке. Да, я была резкой и грубой с Теодором, но ведь он назвал меня старухой. Может, одалживать деньги незнакомцам противоречит корпоративной этике ДКП? А может, я поцарапала мотоцикл Теодора, уезжая с заправки?

Я уволена. Вот в чем дело.

Я одним махом уволена и лишена крова над головой, и прямо сейчас Теодор Прескотт со своей шикарной шевелюрой возвращается в офис, чтобы стать свидетелем моего позора.

– Все в порядке, – говорит Теодор, расшифровав язык моего тела: жертва лицом к лицу с убийцей. – Нет, Рути, все действительно в порядке. Не дрейфь.

– Прошу прощения, это немного неожиданно, – смеется Джерри, звонко и фальшиво, и я понимаю, что он тоже нервничает.

– Не хотите ли присесть? – Я показываю на крошечный круглый столик и наливаю воду в стаканы.

Мелани садится и резким движением бедер придвигает офисное кресло к письменному столу:

– Я буду записывать.

В гляцевый блокнот, мысленно хрустя попкорном.

Она стреляет в Теодора блестящими карими глазами примерно каждые пять секунд, отсекая от него сегмент за сегментом до тех пор, пока не получает всю нужную ей информацию. Что меня безумно раздражает, поскольку мне этого тоже хочется.

– Мне нравится твоя татушка. Это ведь дай-доро, так? – Мелани показывает на тату на руке Теодора и объясняет нам с Джерри: – Японский каменный фонарь. Они реально красивые, когда горят по ночам.

– Мой ни в какую не желает гореть. Как я ни пытался, – отвечает Теодор. – Ты японка?

– Наполовину. – Мелани явно стремится развить тему (сама, без наводящих вопросов). – Мой папа из Киото, и моя мама познакомилась с ним, когда... – Она замолкает, почувствовав на себе мой злобный взгляд. – Простите. Вернемся к делу. – Она ставит в блокноте сегодняшнее число.

У меня возникает на редкость странная мысль: «Мелани не знает о розе у него на предплечье. Эта роза моя. И спорим, его фонарь сияет всю ночь».

– Уверен, вы сейчас спрашиваете себя, чем обязаны моему визиту, – произносит Джерри.

– Думаю, я это знаю. – Я впервые смотрю не мигая прямо в глаза его сыну, устанавливая продолжительный зрительный контакт.

У Теодора Прескотта:

- карие глаза;
- мальчишеские веснушки на переносице;
- сочувственный взгляд, нехарактерный для безмозглого придурка.

– Папа ты напугал ее до мокрых штанов, – говорит Теодор.

Я пытаюсь объясниться:

– Там, на автозаправке, я просто сделала доброе дело.

– Какая такая автозаправка? Что ты еще натворил? – Джерри поворачивается к сыну.

В голосе Джерри слышатся недовольные интонации. Так обычно ругают золотистого ретривера, который, опрокинув горшок с комнатным растением, стоит посреди кучи земли. Теодор, ясен пень, к этому привык: глуповатая ухмылка, вялое помахивание хвостом.

Я все-таки очень отзывчивый человек, потому что пытаюсь прикрыть младшего Прескотта:

– Понимаете, я заправляла автомобиль одного из наших резидентов. Возможно, мне не следовало садиться за руль чужой машины без страховки.

Теодор явно не собирается валить с больной головы на здоровую.

– Она увидела, что я попал в переplet, и одолжила мне двадцать баксов на бензин. Папа, перед тобой мой добрый самаритянин.

Теперь я могу прочесть слово, наколотое на костяшках пальцев: «БЕРИ».

– Тедди¹, ты не можешь просить деньги у совершенно незнакомых людей. – Джерри в ужасе. – В первую очередь ты должен был позвонить мне. А что, если бы кто-нибудь узнал, что ты Прескотт?

– Тедди! – Мелани ахает с детской непосредственностью и записывает в блокнот, повторяя, точно заклинание: – Тедди Прескотт.

– А что? Разве я не похож на плюшевого мишку? – В глазах Теодора пляшут озорные искорки. Вопрос этот адресован лично мне. Сомневаюсь, что Теодор способен оставаться серьезным дольше тридцати секунд. – Итак?

Похож ли он на плюшевого мишку?

– Э-э-э...

На самом деле у меня сохранилась игрушка из моего далекого детства: плюшевый медвежонок по имени Тедди. Похоже, им обоим не привыкать к девичьим кроватям. Ясноглазые, очаровательные существа, созданные для того, чтобы их обнимали и по утрам находили в сбившихся простынях. Блеск в глазах Тедди становится ярче, он кусает губу, давась от смеха. Я смахиваю с лица непослушную прядь, у меня пылают щеки.

Впрочем, я всегда могу положиться на Мелани. Она точно за словом в карман не полезет.

– Тедди звучит глупо. Ты уже слишком взрослый. А как насчет Тео?

Мелани ошибается. Я рассматриваю предложенную альтернативу и понимаю, что имя Тедди ему идеально подходит.

– Он с младенческих лет был моим медвежонком. – Слова Джерри явно вызывают у его взрослого сына желание провалиться сквозь землю. Наблюдать за этим – одно удовольствие. – И тем не менее вы совершенно правы. Он уже взрослый, и самое время вылезти из детских штанишек. Например, Тедди давно пора подстричься.

Мелани пишет в блокноте: «Медвежонок = малыш Тедди», и теперь уже я давлюсь от смеха.

– Но девушкам нравятся мои длинные волосы.

Если Тедди распустит волосы, мы с Мелани ослепнем от такой красоты, хотя меня раздражает, что он это знает. Почти рефлекторно он снова переводит на меня глаза, и я понимаю, что он хочет услышать мое мнение. Он со мной играет. *Я все-таки Тедди? Я неотразим?* Сердито пыхтя, я выпрямляюсь в кресле.

Джерри как ни в чем не бывало продолжает говорить:

¹ Тедди – уменьшительное от Теодор; кроме того, так называют игрушечного плюшевого медвежонка.

– У меня так и не дошли руки до «Провиденса», после того как мы приобрели этот актив. Был занят другим проектом.

– Я только сейчас узнал о том, что папина корпорация купила это место, – поворачивается ко мне Тедди. – Я действительно был не в курсе.

Мелодраматическая ситуация, когда ты сидишь на мотоцикле, не желая звонить своему богатому отцу, у которого столько всего есть, говорит сама за себя. Я присматриваюсь к набитому рюкзаку Теодора.

Заметив, что мы с Мелани обеспокоенно переглядываемся, Джерри жизнерадостно произносит:

– Не волнуйтесь, мы еще не решили, что будем делать с этим объектом.

Значит, придется посылать Сильвии имейл именно с таким резюме? Пока никаких бульдозеров?

– Ладно, это чудесно, – шепчу я.

По идее, я должна отстаивать интересы «Провиденса», но даже не способна повысить голос.

– А почему бы не оставить все как есть? – вздыхает Тедди. – Это место кажется мне просто замечательным.

– Жизнь – это перемены, – произносит Джерри и, похоже, не в первый раз. – Если бы я хотел сидеть в офисе, чтобы только покупать и продавать, то непременно так и сделал бы. Но мне нравится выезжать в поле, быть на объекте. – При этих словах он с размаху стучит по столу кулаком. – Разговаривать с людьми и все менять. Дарить старым вещам новую жизнь. Заботиться о чем-то. И тебе не мешало бы попробовать.

У Тедди вспыхивают глаза. Он стискивает зубы:

– Ты прекрасно знаешь, что я тоже кое о чем забочусь.

– О да, конечно. Твой последний заскок, – начинает Джерри, но сердитый взгляд сына нарушает ход его мыслей.

Что плохо для меня. Я даже подаюсь вперед, горя желанием узнать, что могло в данный конкретный момент довести Тедди до белого каления.

Я старательно перевожу разговор в другое русло:

– Мистер Прескотт, я слежу за вашими приобретениями.

Он явно удивлен:

– Да неужели? Пожалуйста, называйте меня просто Джерри.

Тедди на заднем плане облегченно выдыхает и молча благодарит меня взглядом.

– Вам, должно быть, пришлось помучиться с тем старым полем для гольфа. Трудно найти рабочую силу. У меня постоянные проблемы с вызовом ремонтников.

Джерри кивает. Типа он удивлен.

– Ваша правда. Это просто кошмар.

– Ты ведь ненавидишь гольф, – цинично замечает Тедди.

– Теперь там будет дневной спа-отель с шестьюдесятью пятью отдельными домиками. Верховая езда, хайкинг, медитация, творчество. Куда разумнее создавать жилье и рабочие места, чем пытаться вернуть к жизни эти фервеи. – Джерри бросает взгляд на своего сына. – Можешь съездить и сам посмотреть.

Однако его наследник не клюет на наживку в виде предложения о работе.

– Жду не дождусь. Мне срочно нужны процедуры по уходу за лицом.

– Тебе нужен адрес проживания. И точка, – отрезает Джерри.

И я снова вмешиваюсь. Интересно, что в Тедди есть такого, что превращает меня в живой щит?

– Я могу распечатать для вас дашборд, чтобы вы ознакомились со сроками аренды и финансовым положением на понедельник, восемь утра.

– Тедди, ну а ты можешь это сделать? Управлять финансовыми данными на сайте? – спрашивает сына Джерри. – Пользоваться бухгалтерскими программами?

– Естественно, не могу. – Тедди уже на таком взводе, что от него буквально отскакивают сине-черные искры. – Да мне и не нужно. На это есть Алистер.

– И по-твоему, это справедливо по отношению к нему? Если начинаешь свой бизнес, то нужно учиться. – Джерри явно счастлив высказать свою точку зрения, повернувшись ко мне, он добавляет: – Нет, Рути, меня все устраивает. Просто пришлите обычные отчеты в офис.

Мне необходимо произвести впечатление на Джерри.

– Мы очень много работаем для поддержания репутации «Провиденса», которая, безусловно, не подлежит сомнению.

– Быть может, вам нужно дать разъяснения. Специально для Тедди, – говорит Джерри, но скорее для того, чтобы сохранить лицо.

Возможно, Джерри и сам не помнит, почему добавил «Провиденс» к своей коллекции объектов с наклейкой «Продано».

– «Провиденс» входит в десятку лучших комплексов страны для пенсионеров начиная с конца тысяча девятьсот шестидесятых годов, когда он и был построен. Мы по праву считаем его люксовым заведением. В нашем районе принято говорить: «Если мне улыбнется удача, то на пенсии я буду жить в „Провиденсе“». Считается, что это та цель, к которой нужно стремиться.

Но Джерри меня явно не слушает:

– И вы живете прямо здесь. Правильно?

– Да, сэр. Это входит в мой соцпакет. Здесь есть коттедж, разделенный пополам и предназначенный для тех, кто охраняет территорию и следит за порядком. Я оказываю услуги резидентам двадцать четыре на семь.

– И сколько времени? – спрашивает Тедди.

Он что, совсем тупой? Боже мой! Красота увядает.

– Прости. Ты о чем? Весь день и всю ночь. – Я стягиваю с себя слишком теплый кардиган.

– Нет, я спрашиваю, как давно ты здесь живешь? Двадцать четыре года? Семь лет?

– Ой! Все это время. Уже шесть лет.

Тедди потрясен до глубины души. Совсем как тогда, на автозаправке, когда я повернулась и он понял, что я не старуха.

– А ты хоть куда-нибудь едешь?

– «Провиденс» – замечательный работодатель. В свой отпуск я навещаю родителей. А еще езжу на автозаправку, – добавляю я сухим тоном. – Куда я езжу, собственно, не важно. Важно лишь то, что я всегда здесь.

– Это похоже на абсолютную... – начинает Тедди, но осекается, поймав косой взгляд отца.

– Это похоже на истинную преданность своему делу, – заканчивает за Тедди фразу Джерри. – Это похоже на человека, который выбрал себе стезю и не сходит с нее. На человека, который не гонится за ближайшей блестящей приманкой.

– Я ни за чем не гонюсь, – огрызается Тедди. – И докажу тебе, когда мы откроемся.

– Ну да. Поживем – увидим. – Джерри смотрит на меня с едва заметной улыбкой. – Рути, мне нечасто приходится встречать человека, настолько преданного делу, как вы. Я всегда вижу, когда кто-то работает не только ради зарплаты.

Я таю от его похвалы. Но в то же время мне не по себе из-за уничижительного отношения Джерри к сыну.

– Спасибо большое. Мне здесь действительно нравится. Может, вы хотите осмотреть окрестности?

– Тедди нужно жилье на месяц – другой. Соседи по квартире дали ему пинка под зад, и у него явный дефицит друзей со свободными диванами. А ночевать в картонной коробке для Прескотта как-то не комильфо. Он займет вторую половину вашего коттеджа.

– Там немного запущено. – У меня схватывает живот от волнения; между мной и Тедди будет лишь тонкая стена.

– Хочу поселить его здесь на пару месяцев. Этого достаточно, чтобы он смог снова встать на ноги. Подкопить денег. Разобраться в себе. Рути, если вы дадите мне ключи, мы ходим туда и все проверим. Может, вы сумеете сделать там небольшую уборку.

Этим утром мы еще были полностью вне поля зрения ДКП. Кинувшись на помощь своему никчемному, безденежному сыну, Джерри вспомнил о нашем существовании. И вот теперь мне предстоит заниматься уборкой. Я выдавливаю из себя любезное:

– Конечно, нет проблем.

Тедди явно задет. Возможно, подобным отношением ко мне.

– Я могу и сам навести порядок.

Он протягивает руку за ключом, его отец делает то же самое. Но я хорошо знаю, кто мой босс.

Взяв ключ, Джерри говорит:

– Тедди, пока ты здесь живешь, будешь помогать в офисе.

Я стараюсь выглядеть индифферентно. Хотя в глубине души мне этого безумно не хочется.

– Она не хочет, чтобы я ей помогал, – говорит Тедди.

Я для него открытая книга. Ужас!

– Конечно хочет. Полагаю, обучение прямо на месте поможет тебе заинтересоваться нашим бизнесом, – категорически заявляет Джерри и не слишком убедительно добавляет: – Сможешь применить полученные навыки к своему последнему начинанию, если захочешь.

– Но я вовсе не девелопер, – вздыхает Тедди. – Я татуировщик. И никогда не состоял в штате ДКП.

Теперь понятно, откуда у него такое болезненное пристрастие к наколкам. Татуировки, мотоциклы, перекасти-поле, которому абсолютно наплевать, где поесть и где заночевать. Неудивительно, что он смотрит на меня как на букашку.

Джерри устремляет задумчивый взгляд на Мелани:

– А вы подписали контракт?

Я отвечаю за нее:

– Да, на два месяца. И я уже обучила ее.

Нет, ни за какие коврижки я не стану сидеть напротив сына своего босса, пока он бьет баклуши по восемь часов в день и решает головоломки онлайн. Для этого есть Мел. Она смотрит на меня с благодарностью, растерянно моргая. Выражение лица Тедди примерно такое же.

– У нас есть подрядчик для ремонтных работ, садовник... Мы полностью укомплектованы.

– Ну а что-нибудь еще? – Джерри перефокусируется на меня, словно лазер. – Какая-нибудь другая случайная работа, которую он мог бы выполнять? – Джерри явно хочет поставить жирную галочку в графе «Проект Тедди». – Рути, вы только что упомянули заправку автомобилей резидентов. Чем не работа?

Похоже, шестеренки у меня в голове крутятся слишком медленно. Это самый настоящий стресс. Я с трудом вспоминаю, как меня зовут, и не могу вдохнуть полной грудью.

Что делать? Работа для Тедди... Что бы такое найти?..

– Автомобиль заправляли для сестер Парлони. – Мелани бросает мне спасательный круг. – Они нуждаются в помощи. Погодите минуточку. – Новенькие шестеренки в голове

Мелани крутятся гораздо быстрее моих. – Они хотят нанять помощника. Он вполне может на них работать.

Там на автозаправке, когда Тедди высмеял каждую деталь моей внешности, я почувствовала себя ничтожной и жалкой. И вот пришло время с ним расквитаться.

– Идеально. Молодец, Мел. Тедди, хочешь взглянуть на объявление о работе? Это в основном вождение автомобиля, мелкие поручения и уборка.

Это будет самый странный и унижительный опыт в твоей жизни.

– Идеально, – вторит мне Джерри, который, по-моему, также не прочь расквитаться с Тедди.

Тедди смотрит на меня с подозрением, поскольку я не в силах скрыть злобного ликования.

– Думаю, эти резиденты сперва должны пригласить меня на собеседование. Мне вовсе не нужны привилегии.

С этим трудно поспорить.

– Ты уж постарайся, – говорит Джерри. – Я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Всегда приятно, так сказать, потрогать руками один из своих активов.

Джерри выходит из офиса, и, когда он сворачивает на дорожку, я вижу, что в профиль они с Тедди очень похожи.

Мне не слишком хочется, чтобы Джерри без меня осматривал окрестности. У него могут появиться идеи. Я только что это узнала. Ведь, как-никак, жизнь – это перемены. Но я должна ему объяснить, какое важное место «Провиденс», а затем доложить Сильвии, что сделала все возможное.

Поддавшись порыву, я догоняю Джерри:

– Мистер Прескотт? Ой, простите, Джерри? Можно к вам присоединиться?

– Я предпочел бы сходить с Тедди на собеседование. Понимаю, вы хотите получить хоть какие-то гарантии насчет работы. – Джерри окидывает взглядом гору. Вид у него измученный. – Даже не припомню, когда мы купили это место.

– Вы очень занятой человек.

– Слишком занятой. Моя дочь Роуз уже готова переложить на себя часть ответственности. Я собираюсь попросить ее сделать всестороннюю оценку этого места, чтобы рекомендовать совету директоров направление его дальнейшего использования. Я попрошу ее вам позвонить. – Похоже, Джерри доволен таким решением.

– Хорошо, я предоставлю ей всю необходимую информацию. – Я понимаю, что нам понадобится нечто более весомое, чем отчеты, чтобы убедить их не трогать «Провиденс». Какие у меня возможности показать наше влияние на резидентов? Как заставить Джерри влюбиться в наш поселок? – Вы, наверное, вряд ли захотите посетить нашу рождественскую вечеринку в этом году? Я уже начала сбор средств на ее проведение. Обычно у нас очень весело. Наши вечеринки всегда тематические... и это хорошая демонстрация того, чем мы здесь занимаемся.

Джерри явно польщен.

– Пришлите все подробности моему помощнику. Если я буду свободен, то непременно приеду. Почему бы и нет? Звучит заманчиво. – Он начинает подъем в гору. – Пришлите, пожалуйста, приглашение и Роуз тоже. Ей полезно хотя бы иногда выбираться из офиса и встречаться с людьми. Впрочем, сомневаюсь, что Тедди тут надолго задержится. Но пока он здесь, не могли бы вы присмотреть за ним и помочь ему обосноваться?

– Ну конечно, – нехотя отвечаю я.

Глава 5

Вернувшись в офис, я вижу, что Тедди с Мел непринужденно общаются, словно между ними уже проскочила искра. Я набираю сестер Парлони и, когда кто-то из них наконец берет трубку, слышу, как на заднем плане истошно вопит телевизор.

– Что?! – Рената так орет, что ее голос слышит стоящий в сторонке Тедди. – Кто умер?

– Я нашла вам нового мальчика для собеседования.

Применительно к этим накачанным мускулам слово «мальчик» звучит смешно. Хотя опять же он пришел сюда с папой, точно собрался работать разносчиком газет.

– А я уж было решила, что нам скоро понадобится сиделка менять подгузники, – лает Рената. – Я тут едва не описалась. И каков он из себя? – (Я слышу громкое чавканье.) – Из какой категории?

Рената хочет узнать, кто он:

- унылый Гот;
- отморозенный Скейтбордист;
- Примадонна;
- бездарный Музыкант;
- юный Идеалист;
- относящийся к самым различным категориям, которых я прямо сейчас и не припомню,

поскольку в данный момент на меня смотрит красивый мужчина, причем так, будто я могу представлять для него интерес.

Из какой категории? Я только знаю, что глаза у него, как панцирь золотистой черепахи. Карие, зеленые и желтые. Чрезвычайно редкая цветовая гамма. Которая встречается только здесь. Я перевожу взгляд на рукав его футболки и машинально скольжу глазами от предплечья до запястья. Мне безумно хочется увидеть как можно больше произведений этого живого искусства. Под моим взглядом рука Тедди невольно сгибается, словно от случайного прикосновения.

– Он из категории «тату», – произношу я на одном дыхании.

– Это всего лишь подкатегория, чтоб ты знала, – говорит Рената.

– Он сын владельца «Провиденса». Какое-то время поживет здесь, во второй половине моего коттеджа. Очень удобно. Сможет забегать к вам по свистку. Как только понадобится.

Рената восторженно ухает:

– Ура, обещанный мне последний мальчик! Мы заполучили Богатенького Ричи. Я готовилась к этому всю свою жизнь. – (Короткая пауза.) – Ты вроде сказала, сын владельца? А мне нужно хорошо себя с ним вести? – Она в первый раз соизволила подумать, как могут повлиять на меня ее детские забавы.

– Он вовсе не требует особого к себе отношения, – отвечаю я с плохо скрытым мстительным наслаждением. – Просто самое обычное собеседование.

– Я собираюсь устроить Проверку Белой Рубашкой. Сто лет такого не делала. Присылай его к нам. Что мне надеть? – Она заканчивает разговор.

Я отвечаю длинным гудкам:

– Нет проблем. До встречи. – И вешаю трубку. – Все, пошли.

– А можно мне с вами? – Мелани хватает блокнот.

– Ты должна остаться здесь и отвечать на телефонные звонки. – (Мелани подкатывает кресло назад к письменному столу и с размаху врезается в него.) – Между прочим, ты зря старалась, делая записи.

– Я просто копировала тебя и твою манеру все записывать. – Мелани поворачивается к Тедди. – В любом случае, надеюсь, ты получишь эту работу. Всегда приятно поболтать с кем-нибудь молодым.

Тедди бросает на меня быстрый взгляд:

– Мне казалось, я старше Рути.

Осознав, что сморозила глупость, Мелани прикрывает рот рукой и начинает тарыхтеть:

– Ну конечно же, у нас здесь трое молодых людей. Я именно это имела в виду. Кстати, ты когда-нибудь слышал о Методе Сасаки? Ну конечно же нет. Это ведь я придумала.

– Звучит солидно. Если судить по названию. – Тедди, явно заинтересовавшись, с ухмылкой облокачивается на захламленный письменный стол Мелани, чтобы присмотреться получше. – Надеюсь, это не финансовая пирамида. Я гол как сокол и чересчур доверчив. Впрочем, какого черта?! Записывай меня. Я согласен.

– Ты не станешь рассказывать ему о Методе Сасаки, – предупреждаю я Мелани.

Тедди берет со стола ее блокнот.

– «Медвежонок»? Боже мой! Убейте меня прямо сейчас! – Он хватается за ручку, вычеркивает эту строчку и продолжает читать. – «Пора подстричься. Шикарная шевелюра. Процедуры для лица на поле для гольфа». Полезная запись. Хорошая работа. А что это значит? «Еще раз предостеречь Рути насчет того самого».

Мел передергивает плечами:

– Просто хотела предупредить начальницу, чтобы не клюнула на красивые волосы.

Тедди переводит на меня глаза и гладит себя по голове кончиками пальцев. Его взгляд цепляет меня. *Рути, не дергайся. Спокойствие, только спокойствие.* Он улыбается мне без тени смущения и вычеркивает фразу «Еще раз предостеречь Рути».

Мелани, как ни странно, ничего не замечает. Ее не так-то легко сбить с мысли.

– У нас здесь, в «Провиденсе», возникла дилемма. Никак не можем решить, какие у Рути требования в ее профиле для сайта знакомств. Высокие или низкие. Что скажешь?

– Профиль для сайта знакомств? – Тедди немного растерян, но, спохватившись, делает вид, что думает. – Хм... Дай-ка прикинуть.

Здорово. Двое хихикающих подчиненных. Каково это быть объектом для шуток? Сперва даже забавно. Но я, которая все свое детство была Правдивой Рут и Дочерью Преподобного, сейчас не видела в этом ничего смешного.

– С помощью Метода Сасаки я добьюсь, чтобы Рути...

– Довольно, Мелани! – Я обрываю ее тоном, способным заставить золотистого ретривера сделать лужу. – Возвращайся, пожалуйста, к работе.

– Вас понял, – без тени обиды отвечает Мелани и, повернувшись к Тедди, добавляет: – Надеюсь, это не ты был тем человеком, который задел чувства Рути.

Тедди с удивлением смотрит на меня, но я целеустремленно иду к выходу и уже в дверях слышу, как Тедди с сожалением говорит:

– Да, со мной такое бывает. Я знаю, что иногда веду себя как безмозглый придурок.

– Не вздумай сделать это снова. – В голосе Мелани слышатся стальные нотки. – А не то я тебя убью.

– Пойдем! У тебя собеседование! – Я чувствую мстительную радость.

Надеюсь, Рената Парлони оставит от него мокрое место.

Я почти бегу по дорожке, однако Тедди меня легко догоняет:

– А как тут насчет животного мира?

Мы натываемся на двух золотистых черепах. Они спариваются. Я, конечно, за них очень рада, но все равно фу! Желая обеспечить им хоть какую-то интимность, я врезаюсь в Тедди и отлетаю к изгороди. Тедди хватается за мою руку, чтобы поддержать. Мы оказываемся лицом к лицу.

– Осторожнее, – назидательно говорит Тедди, словно я какая-то безмозглая туристка.

Словно я тут просто погулять вышла, а не рву задницу ради сохранения инвестиций его семьи. И я вне себя от ярости. «Провиденс» выпал из поля зрения владельца. О нас забыли. Прямо сейчас Джерри Прескотт на другом берегу озера фотографирует, дает поручения, строит новые планы.

– Может, они просто играют в какую-то игру. – Тедди показывает на тропинку, где трахаются черепахи. – Может, это совсем не то, что мы думаем. – Тедди явно хочет, чтобы я тоже стала более игривой.

– Особи с желтыми пятнами на панцире – вымирающий вид золотистых черепах. Ради бога, не наступи на них! А иначе мне придется их отскрести, а потом заполнять специальную форму.

А ты даже не будешь знать, где искать клипборд с формами, дружок.

Тедди, с шумом выдохнув, оглядывается на офис.

– Никогда еще не испытывал такого унижения. Медвежонок! – стонет он, снова вспоминая запись в блокноте Мелани. – Эй! Неужели мне удалось вызвать на твоём лице тень улыбки? – Тедди осторожно сжимает мою руку, которую почему-то продолжает держать.

Неужели я... паникую? Странная дрожь внутри – может, это оно и есть?

Заметив мою реакцию, Тедди медленно складывает руки на груди, словно я зверушка, которую он боится испугнуть. Я вижу костяшки пальцев правой руки: на них написано «ДАЙ». «ДАЙ» и «БЕРИ». Боже мой, ну почему, почему мне так трудно подобрать нормальные слова и произнести их вслух?

– Я знаю, папа поставил тебя в реально трудное положение. Обещаю, что уберусь отсюда, как только подкоплю денег. Всего парочка месяцев. А «Провиденс» – это что-то, да?

– Это место действительно особенное. Ну ладно, нам пора.

– Угу. Погоди. – Тедди явно не торопится, что на него не похоже. – Дай мне вобрать это в себя.

«Провиденс» расположен вокруг естественного озера, которое питается ручьями, стекающими с крутой горы справа от нас. Неприветливый низкорослый лес не подходит для хайкинга и пикников на подстилке. Я пробовала и то и другое. В этом лесу лишь комары да экскременты снежного человека. Черепахи лениво пасутся на берегах озера, а весной берега покрываются колокольчиками и белыми тюльпанами, которые я сажаю.

Впрочем, Тедди любит отнюдь не видом: он разглядывает таунхаусы.

– Эти дома вызывают у меня странное чувство. Будто что-то такое вертится на кончике языка, чего я не могу выразить словами. Ощущение дежавю. – Тедди переступает через спаривающихся черепах и осторожно идет вперед. – Может, мне это место приснилось. – Он смотрит на очки, висящие у меня на груди. – Последнее время мне снятся самые разные сны.

– Не сомневаюсь. – Чем суше я разговариваю, тем шире он ухмыляется. Я машу рукой в сторону домов. – Но ты не сможешь это развидеть. Обещаю.

Тедди останавливается перед таунхаусом номер 1, где проживает миссис Элисон Такмайр, и задумчиво подпирает подбородок кулаком. Он выглядит очень мило, когда размышляет. Ему не мешало бы делать это почаще.

– Дай мне подсказку. Все дело в архитектурном стиле?

– А ты что, интересуешься архитектурой?

– Мне нравится дизайн. – Тедди пожимает плечами.

Кто бы сомневался. Он с головы до ног в дизайнерских наколках.

– Архитектура колониального возрождения. Двойные колонны по обеим сторонам дверей и сводчатые окна с узорными наличниками. Деревянные ставни и крыша из шифера. Я уже давала тебе наводку, когда нахваливала это место. Оно построено в конце тысяча девятьсот шестидесятых.

Тедди со стоном разворачивается ко мне:

– Все, больше не могу. Расскажи.

– «Грейсленд», – говорю я, и Тедди смотрит на меня так, будто земля разверзлась у него под ногами.

– «Грейсленд», – повторяет он с искренним удивлением. – «Грейсленд» – это вынос мозга.

До смешного точное определение.

– Архитектор, разработавший проект «Провиденса», Герберт Сент-Айвс, был фанатом Элвиса. Здесь в общей сложности сорок домов с выносом мозга. – Я обвожу рукой гигантский квадрат домов по берегам озера. – В свое время они были суперсовременными и шикарными. А сейчас это просто... – Я пытаюсь придумать, как удачнее закончить фразу. – Просто подерживается по мере возможностей.

Тедди виновато потирает шею:

– Прости, если задел твои чувства на автозаправке. Тяжелый случай словесного поноса. Меня действительно немного занесло, а ты тогда поразила мое воображение. Впрочем, ты тут ни при чем. Прости.

Странно, что я вообще могла хоть что-то зажечь в его душе. Мы стоим, молча уставившись друг на друга, и я понимаю, что мне не суждено услышать фразу, которую я ждала больше всего: «На самом деле ты вовсе не выглядишь старой».

Тишина явно начинает угнетать Тедди.

– Похоже, здесь живут супербогатые старики.

Я слышала различные вариации этого утверждения от самых разных людей.

Охрана резидентов – поднять щиты!

– Нам сюда. – Я прохожу вперед.

Я начинаю понимать, что некоторые парни могут заставить тебя остро чувствовать их... маскулинность. У меня такое чувство, будто за мной следует тираннозавр. Гранитная брусчатка выразительно поскрипывает под подошвами ботинок Тедди. Его тень тянется впереди нас, закрывая мою. Вообще-то, я не знаю, что происходит, когда чувствуешь чей-то интерес, но у меня почему-то сползает стягивающая волосы резинка, а колготки на пару дюймов съезжают с талии.

Ход моих мыслей нарушает мужской голос, низкий и хриплый:

– А могу я поинтересоваться, в чем будут состоять мои обязанности?

– Думаю, будет лучше, если ты спросишь об этом во время собеседования, – отвечаю я, осторожно обходя кругом как вопрос, так и черепаху на дорожке. – Сестры Парлони не мои боссы, а твои.

– Вот если бы ты меня о чем-нибудь попросила, я бы все для тебя сделал. – Не знаю почему, но то, как Тедди это говорит, меня чертовски нервирует. Не получив ответа, он продолжает уже нормальным голосом: – Тебе жалко дать хотя бы малюсенькую подсказку, что меня ждет?

– Хочу посмотреть, как ты будешь работать под давлением.

Ускорив шаг, он идет рядом со мной:

– Не волнуйся. У меня особый дар – нравиться людям.

– Ну и как, получается? На все сто процентов?

Вопреки моим ожиданиям Тедди явно теряется. С него сразу слетает маска самоуверенности. Возможно, он думает о своем отце.

Тедди замечает мой пристальный взгляд:

– Ты тоже отлично работаешь под давлением. Уж я-то знаю, какой это жуткий напряг торговаться с моим папашей.

Прежде чем позвонить в дверь сестер Парлони, я одергиваю кардиган и говорю:

- Джерри планирует попросить твою сестру Роуз провести оценку этого места.
- Вот черт! Мне очень жаль. Можешь паковать вещи.

Тедди делает глубокий вдох, затем с шумом выдыхает. Определенно нервничает. Хотя он и хороший актер.

Дверь открывается. На пороге стоит Агги в выигранном в лотерею брючном костюме. Такой плотной жаккардовой тканью можно обтягивать или кресла, или богатых старух.

- Рената выбирает новый наряд. Здравствуйте, молодой человек.

Я берусь представить их друг другу:

- Теодор Прескотт, познакомься с Агатой Парлони.

- Тедди, – с улыбкой поправляет он. – Рад познакомиться, миссис Парлони.

Они обмениваются коротким рукопожатием.

– Зовите меня Агги. Нам сюда, молодой человек. – Она замечает мой блокнот. – Рути, ты что, собираешься присутствовать?

- Если не возражаете. – Я плетусь за ними.

В доме царит жуткий бардак. За спинкой дивана висится четырехфутовый штабель одежды в мешках из химчистки. Стол заставлен кружками. А ведь я только вчера вечером поставила грязную посуду в посудомойку, пытаясь выпустить пар после того, как меня за мои же двадцать долларов подняли на смех. Это воспоминание меня заводит. Все, я больше не собираюсь помогать Тедди.

- Здесь немного не прибрано, – устало вздыхает Агги. – Итак, вы легко нас нашли?

- Да. А Рути любезно меня проводила.

– В этом вся Рути. – Агги и не подозревает, что я мечтаю о некоем ритуальном унижении. – Такая добрая.

– Слишком зажатая, – безапелляционным тоном произносит возникшая у нас за спиной Рената.

Какой подарок судьбы – бесплатный мастер-класс по выступлению с комедийным номером! Рената направляется к нам. Бонусный модный показ.

Тедди потрясен:

- Надо же, какое все зеленое!

На Ренате зеленый ансамбль. Очень широкие штаны, шелковая блузка, расшитая пайетками поясная сумка и козырек с надписью «Деньги». На ногах переливающиеся туфли без каблука. И в довершение всего – изумрудно-зеленый парик. Рената гордо называет его «Рыбы», как знак зодиака. Все это дополняет толстый слой косметики, которую зрители смогли бы разглядеть с заднего ряда бродвейского театра, поскольку неброский макияж – это «для молодых, у которых вся жизнь впереди».

У Тедди отвисает челюсть. Если Рената и довольна подобной реакцией, то умело это скрывает. Она обходит Тедди кругом, словно он только что доставленный холодильник. Кто производитель и что за модель?

Подобная театральность заставляет Агги вздыхать:

- Тедди Прескотт, это Рената Парлони.

– Рапунцель, распусти волосы! – приказывает Рената Тедди, и мы видим настоящую рекламу шампуня для блестящих шелковистых волос. – Получится роскошный парик. Как насчет того, чтобы мне продать?

- Простите. Без волос я ничто.

- Попытка не пытка. А ты пробовал их подстричь?

– Моя сестра Дейзи подравняла их на Рождество. На патио за домом. Она единственная, кому я доверяю. Все остальные побреют меня налысо. – Для наглядности Тедди дергает себя за волосы.

Рената не привыкла легко сдаваться:

– Я заплачу максимальную цену.

Агги откашливается. Как всегда, когда ситуация приобретает нехороший оборот.

– Давайте перейдем на застекленную веранду.

– Моя самая нелюбимая комната. – Рената отходит подальше от пятна теплого желтого света. – Будь моя воля, я вообще не открывала бы ставни.

– К счастью, не на все есть твоя воля, – мягко отвечает Агги, и я понимаю, что кое-что упустила в развитии их отношений. Рената при всей своей subtilности громогласная, как иерихонская труба, однако босс здесь Агги.

– Присаживайтесь, – предлагает нам Агги, что мы и делаем.

– Тедди Прескотт, твое первое задание – сделать так, чтобы солнечный свет больше никогда не касался моей кожи. Вам двоим даже невдомек, что у вас есть КОЖА. – Мы с Тедди подсакиваем от неожиданности и оглядываем себя, а Рената произносит нараспев, точно маньяк-убийца: – Прекрасная молодая кожа.

– Неужели мне придется закончить свою жизнь на дне колодца, втирая в свою кожу лосьон? – спрашивает Тедди.

– Что ты делаешь в свое свободное время, меня не касается, – заверяет его Рената. Она замечает наколки у него на костяшках пальцев: – «ДАЙ» и «БЕРИ». Ты правша или левша?

– Левша.

– Значит, ты признаешь, что берешь больше, чем даешь. – Подобная манера поведения характерна для Ренаты: коварные аргументы, строящиеся на самооценке кандидата.

А ведь мы здесь всего минуту, не больше.

– Зависит от того, с кем я нахожусь.

– Уточни, – зловещим тоном приказывает Рената.

– Если я на дне колодца наедине с лосьоном, то да. Но если я не один, то все зависит от обстоятельств.

Тедди смотрит на меня своими разноцветными глазами, возможно желая увидеть мою реакцию на несколько двусмысленный ответ. Однако меня это лишь откровенно забавляет, и в его глазах появляется озорной блеск.

– Очко в пользу Тедди, – берет на себя суждение Агги.

– А вот здесь мы имеем абсолютно чистый холст. – Рената хватая меня за руку и, растегнув манжет, закатывает рукав. – Сделай ей тату. Я плачу. Что бы ей такое набить? Знаю. Большую Деву Марию. – Рената при всей своей внешней хрупкости на удивление сильная, ее ногти врезаются мне в кожу.

– Ой! – громко протестую я.

Впервые за все это время Тедди явно тушуетя.

– Это что, первый вопрос собеседования? Какую татуировку я, лицензированный татуировщик, набил бы Рути? Все, что ни попросит. А теперь отпустите ее, пожалуйста.

В его голосе звучат низкие модуляции, характерные для мужчин, желающих добиться своего. И мы, три женщины, неожиданно вспоминаем, кто он такой.

Рената выпускает мою руку с отчетливыми полукруглыми следами от ногтей и устанавливает зрительный контакт с Агги, которая остается индифферентной. Они ведут беззвучный разговор глазами. Затем Рената поворачивается ко мне:

– Нам придется изобрести новую категорию. Не так ли, Рути? – Это ее извинение.

– А что за категории? – спрашивает Тедди, не обращая внимания на эксцентричное поведение Ренаты. – Быть может, я смогу подсказать, к какой именно меня отнести.

Рената начинает загибать пальцы:

– Деревенщина. Маленький Потерянный Мальчик. Слишком Тупой, Чтобы Жить. Фальшивый Внук – это те, кто надеется получить наследство.

– Дитя Природы – никаких дезодорантов, – добавляет Агги.

– Я пользуюсь дезодорантом.

– Еще одно очко в пользу Тедди. Хотя, полагаю, иногда здесь попахивает Мэтью, а ведь с тех пор прошло столько лет, – говорит Агги.

Я пытаюсь внести свой вклад:

– Замученный Художник?

Если татушки сделаны по его эскизам, то он очень талантливый.

– Да, я уже чувствую себя слегка замученным, – соглашается Тедди.

Рената смотрит в окно, словно припоминая нечто особенное:

– Моими любимцами были Страдающие Бессонницей Нарки. Они обеспечивали меня травкой, и мы могли сидеть всю ночь напролет, обсуждая, кто из знаменитостей умрет следующим.

– Будем считать, я этого не слышала. – Я, должно быть, начинаю размякать. Должно быть, это все вечернее солнце, которое греет мне спину.

– Когда ты станешь такой старой, тощей и опустошенной, это все, что останется у тебя в жизни. Ну и любовь, конечно, – говорит Рената, погладив сестру по руке. – Ах, *je suis très romantique...*² Быстро. Я жду комплимент. – Это тест, приготовленный для Тедди.

– У вас красивый дом, – отвечает Тедди.

И действительно, вид из окна очень красивый. Подстриженные лужайки, тянущиеся до английской изгороди из самшита. Возле изгороди поилка для птиц и развесистая глициния.

– Банально. Неудачная попытка. Если бы не мой преклонный возраст, я вернулась бы в свой лофт в Трайбеке. – Старая песня! Глаза Ренаты опасно сужаются. – Я имела в виду комплимент лично мне.

Тедди готовится к удару. Щурится от яркого солнца. Поднимает биту. И говорит прочувственно и очень искренно:

– Мне еще не доводилось встречать более элегантной женщины, чем вы.

Зрители вскакивают на ноги. Заслоняют ладонью глаза. Отличная работа. Комплимент пробивает ветровое стекло автобуса в далеком пригороде.

– О... – Рената оглядывает себя. – Ты имеешь в виду этот прикид? – Она улыбается и любовно оглаживает себя по тонкому, как палка, бедру, словно любимого домашнего питомца. – Это старая пара брюк палаццо с круизного показа Диора две тысячи шестнадцатого года? Это винтажная блузка от Баленсиаги? Что ж, он очень хорош. Десять очков, – бесцеремонно обращается Рената к Агги, которая начинает дремать в нагретой комнате.

Тедди и не думает злорадствовать.

– В чем будет состоять моя работа?

– Ты водишь машину? – спрашивает Рената. – Это единственное, что меня волнует. Один парень сказал нам, что не водит машину из-за выбросов углекислого газа.

Тедди улыбается. Ему идет.

– Я езжу на мотоцикле. Но не прочь прокатиться на вашем «роллс-ройсе».

Агги стряхивает с себя сонное состояние:

– Расскажи еще о себе.

И в этот самый момент Рената говорит:

– А какой у тебя рост?

И почему пожилые дамы так заиклены на росте молодых людей?

– Мне двадцать семь лет. Мой рост шесть футов четыре дюйма. Как я уже говорил, я татуировщик, но в свое время работал водителем на доставке.

Агги обдумывает его слова.

– А почему ты не работаешь в выбранной области?

² Я очень романтична (*фр.*).

– Возможно, я попробую найти какую-нибудь внештатную работу. По вечерам, если не возражаете.

– Мы очень требовательные, – перебивает его Рената. – Я хочу, чтобы ты всегда был под рукой, чтобы поднести вещи или отвезти нас куда нужно. Ну и куча вещей для химчистки. Легкая работа. Не понимаю, почему у молодых людей с ней столько проблем. Покупать нам цветы. Пиццу. Бронировать столики в ресторане. Хм, что там еще? – Рената вопросительно смотрит на меня.

– Ремонтные работы, уборка, прачечная, спонтанные комплименты. – (Всеобъемлющая роль, основанная на способности проглотить обиду и наступить на свою гордость.) – А еще беготня за снеками и помощь в покупках онлайн.

– Кстати, я немного умею готовить, – говорит Тедди.

Он не сводит с меня глаз. Он что, ожидает от меня каких-то вопросов? Я для него спасательный жилет? Закрыв рукой свой блокнот, чтобы Тедди не подглядывал, я начинаю записывать:

- *Татуировщик/водитель-доставщик.*
- *27 лет, 6 футов 4 дюйма, шикарные волосы.*
- *Умеет готовить, говорить искренние комплименты.*

Я также не упускаю из виду пункты, которые были вычеркнуты или обойдены молчанием. Мелани не была так уж не права, предположив, что я захочу делать заметки во время собеседования. Добавить *слишком зажатая* в мой профиль на сайте знакомств.

Я проверяю, не выбились ли непослушные пряди из пучка. Жую губами, чтобы равномерно распределить блеск для губ. Почему так тихо? Я поднимаю глаза. Тедди продолжает на меня смотреть. Сестры смотрят на Тедди, который смотрит на меня.

Агги улыбается:

– Ну разве она не красавица, когда сидит вот так, в солнечных лучах?

Тедди поспешно отводит взгляд. Так вот, значит, каково быть слишком долго выставленной на всеобщее обозрение. Словно касаешься оголенного провода.

Рената добавляет:

– Есть хорошее выражение. В тихом омуте черти водятся. Ты в курсе, что это значит?

– Теперь да, – отвечает Тедди все так же искренне. – Думаю, да.

От смущения меня бросает в жар. Агги тем временем говорит:

– Насколько я понимаю, для тебя эта работа – ступенька для возвращения к татуировкам.

Агнесса – Святая Покровительница Милосердной Смены Темы.

Сегодня вечером я зажгу в ее честь благодарственную свечу.

– Один из моих друзей открывает в Фэрчайлде вторую тату-студию, и я хочу войти в долю. Буду отвечать за этот район. Но деньги нужны мне к Рождеству, или он продаст долю кому-нибудь другому. – Его глаза снова устремляются на меня, словно повинуюсь рефлексу, и он смущенно заканчивает: – По крайней мере, вот такой план.

Я знаю, отец Тедди сомневается в искренности его намерений, но будем реалистами. Тедди способен продать лед эскимосам. Если он постарается и пустит в ход свое обаяние, то получит все, что угодно.

И, чтобы не дать Ренате, которая обожает выбирать легкие цели и разбивать чужие мечты, сразить Тедди, я поспешно говорю:

– Тедди, разумеется, у тебя все получится.

Мой уверенный тон застает Тедди врасплох.

– Никогда не была в Фэрчайлде. А это далеко отсюда? – интересуется Агата.

Мы дружно прикидываем, какова вероятность, что он исчезнет для нас навсегда.

И он подтверждает, что это не лишено вероятности.

– Пять часов езды отсюда. Очень симпатичный город. Немного похож на этот. Но лучше всего то, что там вообще нет тату-студий. Я провел исследование для целей бизнеса. Но есть кампус муниципального колледжа и тренировочная военная база, и им приходится ехать к черту на рога, чтобы набить тату.

Похоже, Тедди больше заинтересован в этом, чем показывал. И я начинаю смотреть на него немного другими глазами.

– А почему бы просто не попросить папочку подкинуть тебе немного денег? – приторным голосочком спрашивает Рената. Тот самый вопрос, который мне и самой хотелось задать. – Получи аванс в счет наследства. Сынок, почему бы тебе не окэшиться?

– Я совершенно уверен, что нет никакого наследства.

– Ты единственный сын? – спрашивает Рената, и Тедди кивает. Ему явно не по себе. Я собираюсь вмешаться, но Рената не унимается: – Возможно, ты хочешь со временем сорвать джекпот.

– Передо мной в очереди четверо сестер. Да и вообще, я не беру у него деньги. А он мне их не дает. В наше соглашение деньги не входят.

– Итак, у Тедди будет своя студия. Рути, а у тебя есть цель?

Вопрос задан тем ласковым тоном, каким взрослые спрашивают у дошколят, кем они собираются стать, когда вырастут. В детстве у меня была самодельная спецодежда ветеринара, сшитая из папиных старых белых рубашек, а еще игрушечный полосатый кот с облезлыми от постоянных перевязок передними лапами. Агги проявила элементарную вежливость, да и вообще собеседование проводят не со мной, но я все равно хочу найти ответ.

– Я надеюсь стать... – Я собираюсь рассказать об отставке Сильвии и о своих устремлениях стать управляющей, однако Рената перебивает мою речь, словно меня здесь нет:

– Все, пора переходить к практической части нашего собеседования.

– Ладно. – Тедди, снова бросает на меня рефлексорный взгляд.

– Теперь ты сам по себе. Никаких подсказок, никаких намеков. Вот почему молодые люди часто меня бесят. Они маскируют собственную несостоятельность с помощью компетентных молодых женщин. – Рената наливается злостью. – Когда мы еще только начинали нашу карьеру, то были выучными ослими, которых мужчины в нашей конторе нагружали работой. Больше никогда. Никогда снова. Теперь ты выучный осел.

– Конечно. Простите. – Он принимает подходящий случаю смиренный вид. – Иа-иа!

– Вот тебе триста долларов. Ступай купи мне белую рубашку. Вот и посмотрим, насколько ты умный маленький ослик. У тебя всего один час. Время пошло. – Она шваркает деньги на стол. – Рути, шестьдесят минут, с твоего позволения.

– Она уже тысячу лет этого не делала, – говорит Агги.

Я иду к плите и включаю таймер. Учítывая, что сейчас уже ранний вечер, сомневаюсь, что Тедди удастся выполнить задание. Я чувствую приступ паники и одновременно мстительную радость.

Если Тедди и удивлен полученным заданием, то отлично это скрывает.

– А я имею право уточнить, какая именно рубашка вам нужна? – Тедди смотрит на таймер и выставляет время на телефоне.

Агги качает головой:

– Естественно, нет, молодой человек. Ты уж постарайся. – Ее глаза лукаво блестят, и на долю секунды мне кажется, что она тут такой же кукловод, как и ее сестра. – Единственное, что тебе нужно, – это сделать все, что в твоих силах.

Тедди смотрит на выстриженные лужайки. Формально его отец владеет всем, что находится за окном. Унизительное задание для человека, носящего фамилию Прескотт. Он сейчас скажет, что все, проехали. Он поищет себе другую работу.

– Легко, – произносит он.

Он быстро, почти бегом, уходит, и Рената испускает ликующий вопль. Мы улыбаемся друг другу. Это кайф – заставлять молодого человека бежать со всех ног. И независимо от того, что Тедди принесет сестрам, я абсолютно уверена: он получил работу.

Глава 6

Глядя на мои шерстяные одежды, никто и никогда не догадался бы о моей склонности обнажаться по вечерам.

По вечерам я обычно задерживаю все занавески, раздеваюсь и в течение пары минут обхожу свой коттедж, после чего принимаю ванну. Все началось вполне невинно. Никаких извращений. Однажды, через шесть месяцев после того, как я въехала в этот коттедж, мне пришлось пройти голышом в гостиную, чтобы найти полотенце в корзине с чистым бельем. В этот самый момент я поняла, что это мой дом и я могу делать здесь все, что пожелаю. И я пристрастилась к этому чувству полной свободы. Уж не знаю, надолго ли здесь задержится Тедди, но пока мне придется ходить застегнутой на все пуговицы.

Просто удивительно, какие сюрпризы вам устраивает жизнь. Ты просыпаешься, как обычно, а ложишься спать уже в совершенно другой реальности.

После пожара на кухне в середине 1980-х годов этот большой коттедж был переделан в дом на двух жильцов путем возведения стены ровно посередине. И теперь я слышу, как мой новый сосед шаркает по своему жилищу. Я слышу чиханье, хлопанье дверцей шкафа, отрывистое ругательство, притворное всхлипывание.

Но я решительно настроена придерживаться установленного порядка. Буду вести себя так, как всегда по вечерам, не обращая внимания на сосущее чувство под ложечкой. Итак, я включаю духовку. Затем иду в ванную комнату и зажигаю свечи на задней полке. Кидаю в ванну шарики с пеной и освобождаю из плена стянутые в пучок волосы.

Я совершенно измотана написанием электронного письма Сильвии. Мне никак не удалось найти нужный тон послания. *Привет, как дела, смешанное с не впадайте в панику и слегка приправленное словами у меня плохое предчувствие.* Написание электронного письма на три абзаца заняло почти час с учетом внесения поправок и внутренней борьбы. И теперь я, как никогда, нуждаюсь в горячей ванне. Я начинаю расстегивать блузку, но меня останавливает стук в дверь.

– Прости за беспокойство. – На пороге появляется Тедди.

Я все еще держусь за наполовину вытащенную из петли пуговицу. С первого взгляда видно, что я собиралась раздеться. Секунду-другую сердце колотится где-то в горле. Я ведь совершенно не знаю Тедди, и в этом приглушенном свете он слегка смахивает на вампира с острыми зубами и горящими глазами.

Тедди, словно читая мои мысли, пятится и отворачивается:

– Я могу прийти потом.

– Нет, все нормально. В чем дело? – Я застегиваю пуговицу. И еще верхнюю, на всякий пожарный. Снова забиваюсь под панцирь, как черепаха.

– А где здесь водонагреватель?

– У нас один общий. Прости, не подумала. – Я возвращаюсь в комнату, однако Тедди продолжает топтаться на месте. Оказывается, вампиры тоже нуждаются в приглашении. – Хм... Проходи.

Тедди проходит в комнату и неторопливо оглядывается по сторонам:

– Мне нравятся твои обои. Это ведь дизайн Уильяма Морриса. Так?

А Тедди и впрямь разбирается в дизайне.

– Да. Называется «Терновник». Обои я сама клеила.

Целый год я покупала по рулону обоев с каждой зарплаты. Сильвия хихикала над моей причудой декорировать то, что даже не является моей собственностью. Я окружила себя этим покрытым цветами темным лесом и нисколько не жалею, что именно так и сделала. Особенно сейчас.

Тедди достает телефон и начинает фотографировать детали рисунка на обоях.

– Это напоминает мне форзац детских сказок. – Он гладит оклеенную обоями стену, и, могу поклясться, я чувствую его руку у себя на спине. – Отличная работа, Рути! Ты прекрасно состыковала рисунок.

Его пальцы с наколкой «ДАЙ» нашли стык между кусками обоев и скользнули по нему вверх. И в ответ сокровенные части моего тела сразу напряглись. Похоже, Тедди живет реагирует на обои, чем на меня.

– Спасибо. А ты любишь цветы?

– Парни в тату-студии меня обсирали, но я реально балдею от цветов. Люблю набивать их на клиентах. – Он театрально вздыхает. – А можно мне набить себе твои стены?

Интересно, каково это выпаливать, не думая, любую гадость, что придет в голову? Дрожаящим от разочарования голосом я с трудом парирую:

– Флаг тебе в руки.

Тедди ошибочно принимает мой тон за осуждающий.

– Прости. Я вечно говорю тебе всякие глупости. – Но все, проехали. Тедди уже в кладовке. – Так и знал, что у тебя есть этикет-пистолет. Итак, что я здесь ищу? Что-то, чего я не вижу.

– Водонагреватель.

– Где?

Это допотопный металлический цилиндр, выше меня, занимающий половину пространства. Я поворачиваюсь к Тедди проверить, действительно ли он такой ненаблюдательный, и вижу, что его глаза искрятся весельем.

– Ой, а вот и он! Рути, а почему ты не наклеила на него ярлык?

Обожаю шутки в свой адрес.

– Сзади есть такой большой рычаг. Я держу его...

Я не успеваю закончить фразу, так как Тедди опускается на колени, шарит рукой за цилиндром и говорит:

– Есть.

– А... Трудно было повернуть?

– Не-а. – Тедди снова на ногах, вытирает ладонь о колено.

Должно быть, хорошо иметь такие сильные мускулистые руки.

– Ну вот. Теперь можешь принять горячую ванну.

– Ванну, – повторяет за мной Тедди, обводя глазами мою ванную комнату, где из крана льются галлоны нашей общей воды.

Надо же сморозить такую глупость! Разве мужчины принимают ванну?

Но тут Тедди говорит:

– Никогда об этом не думал. Может, я и попробую принять ванну.

Я вхожу и выключаю кран:

– Постараюсь не использовать всю воду.

– Не меняй из-за меня заведенный порядок, – бросает он мне в спину.

Забавно, но именно это я говорила себе как раз перед появлением Тедди. Он облокачивается на дверную раму и задумчиво трет лицо:

– Я бы все отдал за возможность жить по заведенному порядку.

– Насколько я понимаю, в последнее время ты вел довольно-таки спонтанную жизнь.

– Элегантное описание. Спонтанную. – Тедди мнетя, но все же решает мне довериться. –

Скажи, в детстве у тебя было точное время отбоя? А строгие родители? – (Я киваю.) – Я тоже хочу этикет-пистолет, но, боюсь, мне уже поздно.

– Ничуть не поздно. – Я хочу, чтобы он снова улыбнулся. – И я могу назначить время отбоя, если тебе так будет легче.

Тедди поворачивается ко мне, затем отворачивается, инвентаризируя ванную комнату. И снова поворачивается.

Неужели так странно видеть меня вне контекста офиса? В глазах Тедди пляшут озорные искорки, черные волосы окутывают его плащом, и мне приходят на ум старинные изображения дьявола. Что бы сказали мои родители, если бы увидели, что я нахожусь в одной комнате с таким мужчиной? Наверняка прочли бы молитву.

По идее, я должна быть испугана. Но это не так.

– Значит, сестры Парлони взяли тебя на работу.

– Да, взяли.

– А какую рубашку ты купил?

– Я отправился в благотворительный магазин на Мартин-стрит и нашел там винтажную блузку. Я решил, что это детская рубашка. Похоже, ее размера. Правда, она была кремового цвета, поэтому я не был уверен, что подойдет. Я даже хотел сжульничать и позвонить тебе. – Он ухмыляется, и меня бросает в пот. Свечи так ярко пылают. Он добавляет бархатным голосом: – Могу я получить номер твоего телефона?

Только новичок может совершить столь грубую ошибку, дав номер своего телефона помощнику сестер Парлони.

– На самом деле это мой любимый магазин. А кто сегодня работал? Молоденький парнишка?

Тедди хмурится:

– Ага. У него есть номер твоего телефона?

– Нет. Это Курт. Он откладывает для меня вещи моего размера, которые, как ему кажется, мне понравятся, но все мимо кассы. Он выбирает слишком короткие юбки.

На самом деле моя привычная длина юбки – ближе к щиколотке.

– Спорим, что так оно и есть.

Глаза Тедди разгораются сильнее. Он возобновляет инвентаризацию ванной комнаты, пока не кончатся предметы, на которые можно смотреть. После чего начинает внимательно рассматривать меня.

– У тебя очень красивые волосы.

Я машинально подношу руку к голове:

– А я уж было начала подумывать о кератиновом восстановлении. Будем считать, я воодушевлена.

Не заметив моего закамуфлированного комплимента, Тедди ласково говорит:

– Женщины. И как только вы справляетесь с уходом за собой? А знаешь, тебе это абсолютно не нужно. – Он проводит рукой по своим волосам.

Я показываю на его татуировки:

– Спорим, уход за моими волосами занимает куда меньше времени, чем твои татушки.

В ответ Тедди лишь дергает плечом:

– А какие результаты Проверки Белой Рубашкой были у других кандидатов?

В комнате становится слишком тепло. Я вдыхаю пар, аромат пены для ванны. И запотеваю, словно зеркало.

– Некоторые впустую тратили время, отправляясь за рубашкой в магазины «Гуччи» или «Шанель».

Я протискиваюсь мимо Тедди к двери. От него пахнет, как от пакетика сладкого чая, – до противного приятно. Тедди тащится за мной, продлевая ощущение клаустрофобической тесноты.

– Отправиться к «Гуччи» – пустая трата времени?

– Ну, это типа вопроса с подвохом. Ты никогда не найдешь там рубашку всего за триста долларов. И подобная ошибка частенько толкала молодых людей на крайности. – Я прохожу

через гостиную, включая по дороге свои немногочисленные лампы. – Некоторые идут в «Таргет». Некоторые оставляют себе триста долларов и больше не возвращаются. Ты все сделал правильно, – неохотно соглашаюсь я. – Я бы тоже выбрала винтаж.

– Нет. Ей ужасно не понравилась рубашка. И мое первое задание на утро – закопать рубашку в саду. Цитирую: «На глубине минимум три фута». Думаю, она серьезно.

– Гарантирую, что серьезно.

– Она забрала фасон, но оценила нестандартное мышление и сдачу в размере двухсот девяноста восьми долларов. – Теперь Тедди стоит в дверях моей спальни. Подбоченившись. – Не обращай на меня внимания. Я жутко любопытный. Итак, спальня Рути Мидоны.

Это было сказано с благоговением, которого я не заслуживала.

Если он сделает хотя бы полшага через порог, я схвачу его за шкуру и вышвырну вон.

– Ты не можешь заглядывать сюда без разрешения. А что, если у меня здесь... не убрано?

Тедди издал странный звук вроде *тсс!*

– Я уже понял, что ты исключительно аккуратная особа. Люблю заглядывать в комнаты, где живут женщины. Очень познавательно.

– Не сомневаюсь, – неприятливо отвечаю я, тем самым рассмешив Тедди. – Ну давай смейся, смейся. Скажи мне, какая я зануда.

Упреждение насмешек надо мной – мой продвинутый прием.

– Ты очень, очень интересный человек. – Он говорит вполне искренне. Похоже, нельзя забывать о том, что против лома нет приема. – У тебя всегда такой озабоченный вид. Расслабься. А не то появятся морщины. Все в порядке.

Я знаю, Тедди не просто так у меня околачивается, и это никак не связано с тем, какой я интересный человек. Если бы мы учились в школе, я бы решила, что он забыл написать эссе к завтрашнему утру. Глупое сердце, молчи!

– Посмотри на коробки на платяном шкафу. На каждой есть этикетка. Наклеенная с помощью моего этикет-пистолета.

Тедди ежится, будто у него мурашки по всему телу:

– Клево!

– О да, очень. – Я всегда считала свою спальню миленькой и уютной, но, думаю, для Тедди она слишком детская.

Я бросаю взгляд на кровать, и по шее расползается предательская краснота.

– Привет, чувак! – говорит Тедди старому плюшевому мишке на кровати. – Меня зовут Тедди. А тебя? – Тедди косится на меня, и мне кажется, что я чувствую его улыбку где-то внутри себя. Где-то внизу живота. – Пожалуйста, скажи, что его зовут именно так, как я думаю.

Невыносимо слышать этот голос и чувствовать на себе этот взгляд.

– Его зовут Руперт, – вру я, но с достоинством.

Но Тедди не проведешь.

– Ну да, так я тебе и поверил. Итак, а кто видит эту комнату?

Надо же, какая странная формулировка.

– Что ты имеешь в виду? Никто не видит, кроме меня. А теперь и тебя.

Он улыбается и убирает плечо из дверного проема:

– Счастливо, Тедди. Мне пора принимать ванну.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не вытолкать незваного гостя.

– Кстати, у меня небольшая проблема. – Тедди придерживает рукой дверь, и я снова вижу костяшки его пальцев.

«БЕРИ». Весьма своевременное напоминание. Он наверняка собирается объяснить, что его здесь держит.

– Скажешь мне об этом утром. – Я начинаю отдирать его пальцы от двери. Б, Е, Р...

– У меня нет простыней. И полотенце. И всего остального, что не является одеждой. Нет даже куска мыла, не говоря уже об ароматических свечах. Думаю, мне нужна помощь.

Возможно, мне следует быть погостеприимнее с сыном моего босса.

– Там наверняка найдется запас всего необходимого на всякий пожарный. Позволь, я посмотрю.

Я слеую за Тедди в его новое жилище и растерянно моргаю. Холодно, сыро, скудная обстановка. Ладно, мне действительно жаль Тедди.

– Это термостат. Но не уверена, что он работает.

– Да уж, все очарование советского ракетно-испытательного полигона. Ты согласна поработать моим декоратором интерьера? – Тедди дружески пихает меня в плечо. – Бюджет у меня ограниченный, но я знаю, ты умеешь творить чудеса.

– Прости, я не беру новых клиентов.

– Я предпочел бы остаться там, – Тедди кивает на общую стенку, – с тобой.

Мое сердце выскакивает из груди и прыгает по полу. И именно в тот момент, когда я собираюсь броситься за ним, Тедди добавляет:

– Шучу-шучу. Ты мне нужна ради твоего телевизора.

Перевожу: «Можешь и не надеяться, овца».

Я открываю бельевого шкафа:

– Голову даю на отсечение, тут точно лежал комплект простыней.

А теперь здесь нет даже рулона туалетной бумаги. Плохо дело.

– Рути... – Сзади раздается низкий вкрадчивый голос Тедди. И снова предательски холодеет спина, совсем как тогда, когда Тедди гладил обои, но не дотронулся до меня даже пальцем. – А можно получить пароль от твоего Wi-Fi?

– Теодор, мечтать не вредно. – Мне нужно быть чуть пожестче с этим котярой, а иначе он будет всю ночь мяукать у меня под дверь. – Кстати, супермаркет еще работает. Вперед!

Он смотрит на меня во все глаза. У него особенная белозубая улыбка, которая действует на меня тем сильнее, чем дольше я на него смотрю.

– Чем, спрашивается, ты сейчас занимаешься?

Он моргает, и силовое поле сразу ослабевает.

– Что?

– Ты пытаешься меня очаровать. – Приятно видеть, что он смущен и не в силах посмотреть мне в глаза. – Твоя волшебная сила, возможно, действует на других девиц, но только не на меня.

Надеюсь, я права. Я возвращаюсь на свою половину, но Тедди проскальзывает у меня за спиной, не дав захлопнуть дверь.

– Здесь так уютно и тепло. – Он трет руки, словно пришел с мороза, а розовые щеки еще больше усиливают эффект. – Я просто посижу здесь немножко. – И вот он уже на диване, раскрывает журнал о здоровье. – Ну-с, что тут у нас. Молочница. Что, черт возьми, это значит?! Что за молочница? – Мучительная пауза, пока его глаза перебегают слева направо, после чего он говорит скорбным голосом: – И как женщины все это выносят?

Я с трудом возвращаю себе дар речи:

– Я не стану принимать ванну, пока ты здесь.

– А почему нет? – Он смотрит на включенную духовку. И явно прикидывает, как бы выцганить приглашение на обед. Гладит пульт от телевизора. Откидывается на подушки и вздыхает. – Мне кажется, я в раю.

На двери ванной комнаты нет защелки.

– Я тебя совсем не знаю.

– А у меня такое чувство, будто я знаю тебя целую вечность, – отвечает Тедди с такой подкупающей искренностью, что мне требуются титанические усилия, чтобы устоять. И взять на вооружение слова Ренаты: «Я готовилась к этому всю свою жизнь».

Когда он наконец уберется, я буду вспоминать этот чудный момент. Легкая мгновенная дружба не завязывается каждый день. Все, кому когда-либо требовалась моя помощь, со временем уходило, не оглядываясь, и исчезало без следа. Диван-кровать в цокольном этаже дома моих родителей застелен чистыми простынями. Резиденты меняют адрес проживания на райские кущи. Мальчики на побегушках сестер Парлони покидают их, кипя от ярости. Контракт Мелани скоро закончится. Сильвия так и не прислала открытку.

Печаль сжимает мне горло.

– Вон!

Тедди тяжело вздыхает:

– Ну ладно, поторопись. Быстренько прими ванну, а потом я вернусь, и ты сможешь получше меня узнать.

И словно это в порядке вещей говорить такое своей новой соседке, в сущности, абсолютной незнакомке, Тедди выходит – с моим журналом – и закрывает за собой дверь.

Теперь мне неуютно чувствовать свою наготу, но я решила не отступать. Я погружаюсь в ванну и жду, когда тепло проникнет в мышцы и медленно освободит меня. Сердитый ответный имейл от Сильвии по поводу сегодняшних событий теперь кажется чем-то нереальным. Она не может меня здесь достать. Я таю, как розовое суфле, все напряжение сегодняшнего дня куда-то уходит...

– Рути...

Я подпрыгиваю, расплескивая воду через край ванны. Свеча гаснет. Я прикрываю руками грудь и низ живота. Нужно срочно проверить, что Тедди не пробрался внутрь.

– В чем дело?

Я отчетливо слышу за стеной его голос:

– Мне так одиноко.

Хорошо, что он не видит, как я улыбаюсь. Наверняка это еще больше раззадорило бы его.

– Отстань, Тедди. Я в ванной.

– Блин! Эта стенка слишком тонкая. Нам придется составить расписание посещения туалета. У меня есть одна физиологическая особенность. Не могу нормально посрать, если меня может услышать красивая девушка.

Я слышу, как за стеной скрипит ванна.

У меня невольно открывается рот, и я рявкаю в потолок:

– О Господи!

Я так громко богохульствую, что Господь наверняка лично позвонит моему папе. *Преподобный Мидона. Я насчет вашей дочери.* Погоди-ка. Тедди что, назвал меня красивой?

Он продолжает говорить, и я слышу усмешку в его голосе:

– Я сейчас сижу в своей пустой ванне, полностью одетый, так что оставь свои грязные мысли. У меня нет той роскоши, которой ты сейчас наслаждаешься. И определенно нет средств для кератинирования волос.

– Держи свой внутренний монолог при себе. – Я тоже улыбаюсь. – Спорим, ты используешь вместо шампуня мыло для рук.

– Да, использую. Неужели это так очевидно? Я не заслуживаю таких шикарных волос. – (Длинная пауза. Наверное, чтобы я вставила комплимент.) – Мне нужно купить зубную щетку. – (Еще одна пауза повисает в воздухе и длится маленькую вечность.) – Поехали, поможешь мне выбрать. Ты аккуратистка, а я неряха. Наклей за меня ярлыки на мою жизнь.

Уже не в первый раз новый работник сестер Парлони просит меня помочь. Моя улыбка вянет. Я вспоминаю, как Джерри Прескотт предложил мне убрать новую квартиру Тедди.

– Неужели я оказалась на этой земле исключительно для того, чтобы быть помощницей?
– Я даже не умею определять нужный размер простыней. Я отправил фото матраса своей сестре Дейзи, но, к несчастью, не нашел ничего для сопоставления.

Слово «сопоставление» напоминает мне о бананах и тюбике гигиенической помады.

– И?.. – Мне приходится сполоснуть лицо водой.

В голосе Тедди слышится ласковая насмешка:

– Она посоветовала спросить у кого-нибудь из взрослых.

– Скажи, а эта твоя очаровательная беспомощность действует на всех без исключения?

Я слышу жизнерадостное:

– На большинство. Ты когда-нибудь ездила на мотоцикле?

Похоже, он не шутит.

– Жаль тебя огорчать, но на сегодня у меня все.

Вечерний ритуал пройдет, как всегда. Звонок таймера духовки, просмотр сегодняшних серий «Посланной небесами» и посещение форума. Сделаю пару растяжек, черкну несколько строчек в дневнике и уютно устроюсь в кровати со своим старым милым Тед... то есть Рупертом. Медвежонком, оставшимся у меня еще с детства. Рупертом.

– Рановато ты заканчиваешь свой день. Еще только половина седьмого.

– В «Провиденсе» время идет по-другому. Сейчас уже середина вечера.

Тедди говорит, осторожно выбирая выражения:

– Тебе ведь известно, что мир не ограничивается пределами «Провиденса»?

Он наступает на мою любимую мозоль, и я чувствую острую боль.

– Я не обязана отчитываться перед тобой о своем распорядке, незнакомец. – Я делаю глубокий вдох и погружаюсь под воду, пуская пузырьки.

Вынырнув на поверхность, я слышу:

– Мы с тобой соседи. А значит, должны всем делиться.

Я беру с полки кусок мыла и печально смотрю на него. Так уж и всем?

– Что-то не припомню, чтобы это входило в сделку.

– Сделку?

– А? – смущенно переспрашиваю я.

– Мой папаша, случайно, не говорил тебе нечто вроде: «Если сумеешь разбудить в моем медвежонке интерес к семейному бизнесу, получишь десять штук в качестве бонуса»?

Тедди здорово изображает отца. И с волнением ждет моего ответа.

– Я бы не отказалась от такого предложения. – Я плещу воду себе на колени и смотрю, как стекает мыльная пена. Не услышав реакции Тедди, я добавляю: – Шучу-шучу. Я не получала никаких взяток.

– Мое блестящее общество – само по себе отличная компенсация, – соглашается Тедди.

– Знаешь, что было бы хорошей компенсацией? Двадцать долларов, которые ты мне должен.

– Ах ты об этом. Да. – И снова скрип ванны: Тедди то ли устраивается поудобнее, то ли вылезает оттуда. – Я непременно отдам тебе деньги, как только найду кошелек. Чем сейчас занимается мой следующий на очереди добрый самаритянин.

Должно быть, приятно во всем полагаться на помощь Вселенной.

– А ты уже заблокировал свои кредитные карты?

– Рути, они давным-давно аннулированы. – Он со стоном произносит нечто вроде *брр... я... в полном дерьме*. А потом своим хриплым голосом добавляет: – А у тебя небось никогда не было перерасхода по кредиткам, Аккуратная Девочка?

Что за нелепый вопрос.

– Я принимаю все виды оплаты. Банковскими переводами, через PayPal, Venmo, «Вестерн Юнион». Золотыми слитками. Мелочью. – Не услышав привычного смеха, я спрашиваю: – Как так? Твой отец владеет этим местом, а у тебя нет двадцати баксов.

– Пожалуйста, давай не будем о том, чем владеет мой отец. Мы с ним – два разных человека. И у него есть свое, а у меня – свое.

Похоже, у Тедди вообще ничего нет.

Странно, но именно этот Богатенький Ричи помог мне оценить все те жизненные блага, которыми я пользуюсь. Например, мыло и полотенца.

– Но почему ты сейчас не работаешь в своей тату-студии? Что случилось?

– Алистер сказал, чтобы я не возвращался, пока не выкуплю долю в Фэрчайлде – все сто процентов. Вот такой ультиматум: все или ничего. Я еще никогда не видел его в такой ярости. – Тедди замолкает.

Резкая смена его настроения чувствуется даже через стенку, а вода в моей ванне совсем остыла. Тедди был прав: мы теперь соседи, а значит, должны делиться.

– Ты еще там?

– Хм...

Я пытаюсь представить, как Тедди лежит сейчас одетый в грязной допотопной ванне.

– Я приготовлю обед. И у меня есть запасная зубная щетка.

– Нет. Ты и так сделала для меня более чем достаточно. Спокойной ночи, Аккуратная Девочка.

И кто, спрашивается, способен набить «БЕРИ» у себя на руке? Тот, кто отчетливо представляет, что это именно то, чем он занимается.

Всякий раз, принимая здесь ванну, я прислушивалась к тихому плеску воды и биению собственного пульса. И вот я вернулась туда, откуда ушла: тупо лежу в воде совершенно одна.

Глава 7

Когда утром я открываю дверь, то с удивлением обнаруживаю Тедди, который сидит, согнувшись над крошечным столиком в нашем общем дворике.

– Доброе утро.

– Доброе.

Тедди рисует в тетради, которую поспешно захлопывает при моем появлении, и тут замечает мою кружку.

– Боже мой, мать твою так!

– Не желаете ли кофе, Теодор Прескотт?

Копна спутанных волос падает на затуманенные от сна глаза.

– За кружку кофе я готов на тебе жениться.

Меня так и подмывает вернуться в дом за щеткой для волос, чтобы привести его шевелюру в прежний идеальный вид. Но в этом-то и состоит его стратегия, да? Он завлекает женщин своей черной гривой.

– Предложение руки и сердца вовсе не обязательно. Ты какой кофе любишь?

– Черный и сладкий. – Он начинает рисовать, но, когда я возвращаюсь, вновь закрывает тетрадь.

Интересно, как он пережил прошлую ночь? Очень важно сделать так, чтобы Тедди начал получать только то, что заработал.

– За кружку кофе я хочу получить рисунок. Больше никакой халявы.

– Легко. – Он открывает чистую страницу. – А что тебе нарисовать?

– Черепаху. – Я ставлю кружку на стол.

– Кстати, я тут кое-что вспомнил. – Он чертит ручкой длинную кривую. – Прошлой ночью я сделал ужасную вещь. Я как раз набирался мужества признаться.

Я жду, но Тедди явно не изъявляет желания говорить.

– Тебе удобно было спать этой ночью? – бросаю я пробный камень.

– Если бы не моя Сказочная Крестная-Соседка, я бы заснул в слезах. Спасибо тебе большое.

– Не стоит благодарности.

Полное разоблачение. Я оставила его в одиночестве, чтобы он сам о себе позаботился. Приняла ванну, съела цыпленка по-киевски с овощами, вымыла посуду и занялась одобрением новых участников форума, посвященного «Посланной небесами». После чего с фонариком в руке совершила ежевечерний обход территории. Все точно по списку, хранящемуся в моем телефоне.

Закончила я, как всегда, в западном конце территории и, облокотившись на изгородь из сетки-рабицы, прислушалась, не раздастся ли тархтения мотоцикла. Со стороны я, должно быть, выглядела как самая настоящая заключенная.

К тому времени, как я принялась чистить зубы, Тедди еще не вернулся. Мне стало стыдно, что я была недостаточно гостеприимна, тем более с сыном моего босса. И, как образцовая Сказочная Крестная-Соседка, я оставила на столике следующие предметы:

- один комплект простыней (с принтом в виде облаков);
- одно полотенце и коврик для ванной комнаты в тон;
- одно одеяло;
- одну зубную щетку (красную);
- один рулон туалетной бумаги;
- одну запасную подушку с моей кровати (стоит из-за этого покраснеть).

Я говорю совсем как заботливая мамаша:

– У тебя двуспальная кровать. В любом случае желаю хорошего дня с сестрами Парлони. Уверена, ты отлично справишься.

– Погоди-ка. Вчера ночью, когда я возвращался с парковки, случилось нечто очень плохое. Я к тебе постучался, но ты не ответила. Ты что, спала?

Тедди проводит рукой по волосам. Они блестят, точно вороново крыло, иссиня-черные, слегка отдающие дьявольщиной, безумно красивые. Тедди со стоном лезет под стол и достает порванную коробку из-под «Клинекса». Внутри золотистая черепаха, которая выглядит не то чтобы здорово.

– Я на нее наступил. И теперь тебе придется заполнить форму.

– У меня на голове были наушники.

Выложив для Тедди припасы, я пережила внезапный приступ паранойи, что он воспримет это как любовное послание. Тогда я взяла лэптоп и включила на полную громкость новую серию «Посланной небесами», чтобы не слышать, как он будет возвращаться.

– Я отвез ее в круглосуточную ветеринарку, но они лишь дали ей обезболивающее и велели найти специалиста по рептилиям. – Он подносит лист салата к безучастной морде черепахи. – Она треснула у меня под ботинком. До сих пор слышу этот звук.

Мне еще не приходилось встречать человека, который так сильно переживал бы, наступив на черепаху.

– Тедди, мне очень жаль. – (У него вытягивается лицо.) – Нет, еще рано звать священника. Мы можем это исправить.

Я даже рада, что у меня есть практическая задача. Я достаю сумку с инструментами, надеваю перчатки, и мы вынимаем раненую черепаху из коробки. Черепаха совсем маленькая, размером с колоду карт.

– Что ж, она может шевелить лапами. Уже хорошо.

– Вчера ночью они сказали то же самое. Но вот смотри. – Тедди показывает на треснувший панцирь. – Они помазали гелем, чтобы остановить инфекцию, но не зафиксировали трещину. Не оказалось нужного материала. Мне повезло, что я живу по соседству со специалистом по рептилиям.

– Я знаю пару вещей, но я отнюдь не эксперт. – Я провожу пальцем по трещине и пытаюсь визуально определить повреждение, вспоминая рентгеновские снимки, которые видела раньше. – Панцирь нужно чинить эпоксидной смолой. И скрепить проволокой для надежности.

– А ты можешь это сделать? – (Мой кивок явно производит на Тедди впечатление.) – Ты настоящий ветеринар. Значит, это и есть твоя цель в жизни? Которую Рената обсуждала во время собеседования.

Тедди берет ручку и продолжает начатый набросок. На странице постепенно оживает черепаха. Он пробегает кончиком ручки, точно иголкой татуировщика, по рисунку, делая его более фактурным.

Я говорю черепахе:

– Моей детской мечтой было стать ветеринаром. Но не судьба. Я стала бебиситтером. Эти ребята, похоже, высоко ценятся на черном рынке. Одна из причин, почему я живу там, где работаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.